

Ольга Птицева

Там, где цветет
ПОЛЫНЬ 18+

Ольга Птицева
Там, где цветет полынь
Серия «Выйди из шкафа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68306507

Там, где цветет полынь:

ISBN 978-5-6047190-9-1

Аннотация

Несчастный случай навсегда лишает Ульяну семьи, дома и друзей. Теперь она скитается по коммуналкам в Подмоскowie, проводит вечера в вагонах электричек и страдает от одиночества. У нее нет будущего, зато есть страшный дар: она умеет видеть чужую смерть во взгляде любого, кто встретится ей на пути. Проклятие это или болезнь? Ответа нет. Есть только запах горькой полыни и видения, которые лишают ее рассудка. Чтобы избавиться от них, Ульяна готова на многое. Даже ввязаться в опасную игру на выживание.

Содержание

Красная сандаляка	5
Осторожно, двери закрываются	21
Веточки укропа	37
Мятый квиток	51
Четыре хабаровска	65
Мушинные лапки	83
Ослепительная белизна	98
Китайская пытка водой	116
Ноги сами тебя приведут	128
Сто тысяч мертвецов	142
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Ольга Птицева

Там, где цветет полынь

© Ольга Птицева, 2018

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Cover art © by Corey Brickley, 2022

*Я – полынь-трава,
Горечь на губах,
Горечь на словах,
Я – полынь-трава.*

Ника Турбина, 1982

Красная сандаляка

Уле было все равно.

Она уже час листала ленту, пока комнату заливало солнце, разделяя жаркой полосой надвое все, до чего получалось добраться, – ковер, взвесь пыли, брошенную на пол рубашку и задвинутые в угол учебники. Палец оставлял на экране скользкий след.

Духота делала движения медленными и тяжелыми. Уля откинулась на подушку, волосы прилипли ко лбу, полезли в рот. Она смахнула их, как водоросли на мелководе. Из окна потянуло ветерком; Уля вытянула руку, но воздух был сухим и пыльным. Снаружи как раз зашумело – это по горячему асфальту ползла оранжевая поливалка, плеская по сторонам мутную воду. Та, правда, успевала испариться на подлете. Рука повисла в воздухе. Уля перебрала пальцами, тень от них красиво отпечаталась на противоположной стене.

Уля потянулась за телефоном, наклонилась вперед, чтобы в кадр поместились тень и край белого стола, а накиданные на него шмотки не поместились. Наложила сверху фильтр, отправила в ленту.

Время подползало к полудню. И за дверью уже слышалось сопение и шарканье. Уля улыбнулась. Никитка помнил, что она не любит незваных гостей, но изнывал в ожидании, когда же сестра проснется и выйдет. Он постоял немного – было

слышно, как легонько скрипит под ним пол, – но постучать так и не решился, взбрыкнул и понесся по коридору в сторону кухни. Оттуда доносились звон посуды и приглушенное бормотание телевизора.

По субботам мама жарила оладьи – под тяжелой крышкой, томленные в масле, политые сметаной. По сто тысяч калорий в каждой штуке. Уля задрала ночнушку, ущипнула себя за бок. И сразу попустило: подумаешь, оладушки, когда в шкафу два кроп-топа ожидают своего часа.

Еще раз обновила ленту, потом зашла в мессенджер. В десять, когда нормальные люди еще спят, Вилка предложила доехать до парка Горького. Но прогноз погоды не обещал ни малейшей прохлады. Потому гулять пришлось бы изнывая от духоты. Так что приглашение Уля проигнорировала, а теперь и самой Вилки не было онлайн.

Нужно было вставать, но Уля тянула до последнего. Июнь, отданный на заклятие сессии, пролетел незамеченным. Он оставил после себя только ворох конспектов и темные круги под глазами, которые было решено не прятать: они придавали Уле пусть немного, но взрослый вид. По крайней мере, так ей казалось, когда она смотрела на себя, с неудовольствием отмечая круглые щеки и мягкие локотки. Сколько бы она ни худела, круглое лицо оставалось круглым, а талия в приемлемые шестьдесят два сантиметра переходила в неприемлемые девяносто семь бедер. Свои объемы Уля знала с точностью до десятых, но округляла в меньшую сторону, чтобы не

расстраиваться.

Объемы, кстати, могли и вырасти. Закрыв последний зачет, Уля неделю пролежала на кровати. Листала ленту, смотрела видосики, подхватывала спелую ягодку черешни за тонкий черенок и раскусывала ее, чтобы сок наполнил рот, и тут же бралась за следующую. Мама, возвращаясь с работы, конечно, ворчала.

– Могла бы полы помыть, – говорила она, но Уля отвечала равнодушно:

– Неделя, ма. Был уговор: я закрываю семестр, ты меня неделю не грузишь. – И уходила с кухни, прихватив с собой еще одну мисочку ягод.

Никитка об уговоре знал крепко, потому к сестре не приставал, подваливаясь к боку, только когда Уля сама выбиралась в общую комнату, чтобы посмотреть дурацкий сериал без конца и края. Щекоча ее макушкой, Никитка осторожно садился рядом, а когда Уля разводила руки в стороны, с визгом бросался на нее, брыкался и хохотал. Вообще, любить брата оказалось проще, чем Уля думала, когда тот только родился. Разница в четырнадцать лет разделяла их, и ничего нельзя было с этим поделать, но, глядя, как Никитка заходится счастливым хохотом в ее руках, Уля ловила себя на щемящей нежности, такой острой, что почти стыдной.

Пока Уля натягивала домашнюю футболку поверх заношенных шорт, телефон, брошенный на подушку, завибрировал. Уля оторвалась от отражения в зеркале над комодом и

пролистая обновления. Фото тени на стене набирало лайки и комментарии. «Концептуально», – писала старая знакомая с фотокурсов. «Я с другой стороны стены так и почувствовала, что ты снимаешь», – отметилась Вилка.

«Хороший кадр. Твоя спальня всегда такая солнечная? Или только когда ты в ней?» – Поставленное в конце сердечко заставило Улю пробежаться по тексту еще раз.

Улыбка на лице стала торжествующей. Костя Тимофеев со спортивного факультета. Тот самый, что ходил по столовой в преступно узкой рубашке, демонстрируя миру, что не зря занимается плаванием. Тот самый, что недавно добавил к Уле в друзья, но так и не написал ничего, своим молчанием заставляя нервно обновлять страничку.

– С ума сойти! – пропела Уля и отправила ссылку на фотографию Вилке.

Той не было в Сети, как и спортивного красавца. Ничего, можно и подождать. Пританцовывая, Уля вышла в коридор, и на нее тут же налетел Никитка.

– Потише ты! – ворчливо проговорила она, приглаживая вихрастую макушку брата.

– Мама сказала идти тебя будить! А то мы никуда не успеем.

– А мы должны куда-то успеть? – рассеянно спросила Уля, проверяя, не ответила ли ей Вилка.

– В парк, мама сказала, мы пойдем с тобой в парк, где карусель-карусель! – Последние слова Никитка пропел на мо-

тив старого мультика и понесся по коридору к кухне. – Мама! Уля проснулась!

Нежность к брату стремительно сдувалась. Теперь Уля припомнила, что выторгованная закрытой сессией неделя спокойствия заканчивается прямо сегодня. А значит, от похода на карусели спастись не получится.

Уля ловко проскользнула в ванную и прикрыла за собой дверь. Кафель приятно охлаждал босые ноги. Она включила воду, делая ее похолодней, и юркнула в новомодный кокон душевой кабины, которую совсем недавно купил Алексей. Отчим был хороший – не лез с нравоучениями, прикрывал по мелочам от мамы и не вмешивался в их крупные ссоры. А еще – руководил большой фирмой, значит, мог позволить себе и эту квартиру, и этот душ.

Прохладная вода щекотала кожу. Уля придирчиво похлопала себя по животу и бедрам. На самом деле ей даже нравилось, как округло переходит тонкая талия в бедра, как натягивается майка на груди. Уля была миленькой. И сама знала это. Легкие кудри, блеск на губах, платье с тонкими ляжками. В тупых сериалах говорили, что противоположности притягиваются. Вот Костя с его рельефными плечами и притянулся.

Уля завернулась в полотенце и коснулась мокрым пальцем экрана телефона. Вилка сообщение еще не прочитала. Но Костя был в Сети. Задумавшись, Уля протерла запотевшее зеркало ладонью, поправила мокрую прядь, чуть натя-

нула веко, улыбнулась сама себе, проверяя, чистые ли зубы. И пока тело само выполняло привычные действия, в голове сочинялся ответ на утренний комментарий. Что-то легкое и ненапряжное, но оставляющее пространство для разговора.

«Спасибо. В комнате солнечно, только когда нет сессии. Во время нее – мрак и тлен», – напечатала Уля, замерла на секунду и отправила.

Дело было сделано. Шумно выдохнув, Уля бросила на себя последний взгляд: ошалелые от смелости глаза восторженно блестели. Натянула футболку и вышла в коридор.

– Садись завтракать, – бросила ей мама, мимоходом целуя в щеку. – Вечером приедут Савичи, а мне еще убираться.

– Я помогу. – Ульяна открыла стаканчик йогурта и высыпала туда пригоршню хлопьев.

– Лучше Никитку займи, он тут скачет и мешается. – Мама присела на краешек стула. – Опять свое сено ешь.

– Это не сено, ма... – Уля потянулась за чайником. – Это мюсли.

– Да знаю я. Дай сюда, еще обожжешься. – И, пока наливала ей чай, успела сжевать половину маслянистого оладушка.

Уля смотрела на маму с привычной досадой. Она никогда не набирала вес. Даже беременная сыном, оставалась тоненькой, хрупкой и юной.

– Почему я не в тебя? – спрашивала Уля, а мама только отмахивалась. – И в кого тогда? – беззвучно продолжала Уля, уверенная, что этот вопрос точно останется без ответа.

Про отца они не разговаривали. Уля не знала, кто он и куда делся. Не видела его фото, даже имени не слышала ни разу – отчество Степановна было дано ей в память о деде. Но мысли нет-нет да возвращались к теме блудного папаши. Пару раз Уля пыталась задавать прямые вопросы, но мама юлила, а после откровенно злилась. Нет и нет. Значит, далекому биологическому родителю дочка не нужна. А навязываться глупо.

Как-то же прожили они с мамой вдвоем целых десять лет, пусть не так уютно и спокойно, как после появления Алексея. Уле остались только смутные воспоминания о холодных съемных квартирах и растянутых колготках с рваными носками, которые мама штопала по вечерам, а утром швы больно натирали пальцы.

– Ты меня слушаешь? – Мама наклонилась совсем близко и провела ладонью по Улиному лбу.

Сегодня она была в хорошем настроении. Уля чутко различала это по тому, как мама не раздражалась. По тому, как тянулась дотронуться и погладить. В хорошие дни между ними образовывалось теплое поле, в плохие оно же становилось ледяным и хрустким.

– Слушаю, – кивнула Уля, подставляя щеку под поцелуй. – Куда мне его сводить?

– В парке, через дорогу который, открыли новую карусель. Все ребята из группы туда уже ходили, один наш не у дел. Пусть катается, только следи, чтобы не укачало.

Уля чуть слышно застонала. Никитка очень любил все, что кружилось и вертелось, сияло огоньками, пищало и неслось с бешеной скоростью. Жаль только, организм не разделял таких восторгов. Прошлым летом его стошнило прямо на Улины открытые босоножки.

– Никитка хотел покататься именно с тобой. – Складка между бровями мамы появилась резко и неумолимо. – Леша предложил сходить вместе, но он решил подождать, пока ты соизволишь проснуться.

– Ма, у меня каникулы...

– Не развалишься сделать хоть что-то полезное! – Мама решительно поднялась и вышла из кухни.

В квартире стало тихо, только телевизор в общей комнате вопил что-то об удачных ставках на ипотеку. Уля поковырялась ложкой в йогурте, но аппетита не было. Настроение дома всегда зависело от маминого. И чем тяжелей было у мамы на сердце, тем хуже становилось всем остальным. Когда после росписи и переезда у молодой семьи Сафроновых никак не получался новый ребенок, мама ходила по квартире мрачнее тучи и постоянно срывалась, обвиняя в мельчайших провинностях то Алексея, то Улю, словно именно они и были причиной всех ее бед. По ночам Уля тихонько редела и на полном серьезе думала, а не сбежать ли ей из дома. С появлением Никитки мама стала куда мягче. Но прежней любви, что была у них с Улей, больше не было. Теперь забота мамы делилась натрое: между мужем, младенцем и девочкой-под-

ростком. Нужно ли говорить, кому доставалось меньше всего?

Но Уля давно научилась получать из своего отчуждения максимум пользы. Свобода оказалась приятной на вкус, главное – не злоупотреблять, и все будет отлично. Нужно сходить на прогулку с братом? Окей. Зато вечером никто не остановит ее, когда она решит умотать из дома и не возвращаться до поздней ночи.

Уля аккуратно закрыла йогурт крышечкой, поставила его в холодильник и только потом вспомнила о телефоне. Тот предательски молчал. Она нажала на круглую кнопку, скрепящая пальцы на ногах – это была ее личная примета, обычно приносящая удачу.

На экране повисло оповещение: «Константин Тимофеев прислал вам одно новое сообщение».

«Ты уже закрылась?»

Уля перечитала эти слова несколько раз, надеясь отыскать в них особый смысл.

«Да, было жестко, но не впервой же», – осторожно напечатала она, начиная злиться на Вилку, пропавшую в самый неподходящий момент.

– Уля-я-я... – пропел заскочивший в кухню Никитка. Он уже надел цветастую футболку с мультяшной уткой и полосатую кепочку. – Ты купишь мороженку? Я хочу с карамелью! – Он прыгал на одной ноге, застегивая тугой замок красной сандальки.

– Да встань ты как следует! – прикрикнула Уля, отрывая взгляд от телефона, где Костя что-то усердно набирал ей в ответ.

Никита дурашливо надулся и побежал к двери.

«Молодец! А я остался на осень по двум предметам. Педагогика – не мое», – пискнул телефон.

«Ничего, главное – впереди два месяца лета!» – нерешительно набрала Уля, ломая голову, как бы продолжить разговор.

– Не засиживайся, там тучи нехорошие какие-то, – окликнула ее мама.

Уля вздохнула, но пошла собираться. Отправляя очередное сообщение Вилке, она вытащила тонкий цветастый сарафан, встряхнула его и решила, что для прогулки с братом сойдет и мятый.

Никитка топтался в дверях.

– Можно я возьму самокат? – спросил он, приподнимаясь на носочки от нетерпения.

– Бери, – пожала плечами Уля.

Мама вышла в коридор.

– Только не смей переезжать на нем дорогу! Слышишь, Уль? Проследи!

– Хорошо, ма.

Имя Вилки наконец загорелось зеленым кружочком в списке друзей. Ульяна отправила ей возмущенный смайлик.

Когда они с Никиткой вышли в подъезд, мама стояла на

пороге, провожая их взглядом. Но Уля не отрывалась от экрана – Костя как раз предложил ей встретиться на неделе.

«Это тот самый, с татушкой на шее?» – восторженно спросила Вилка.

«Да! Интересно, что там написано?»

«Думаю, скоро ты рассмотришь ее в мельчайших подробностях!»

Уля проскользнула мимо дверей квартиры Вилки, но решила не стучать: вначале предстояло отделаться от домашних обязанностей, а потом уже можно будет завалиться в прохладу Вилкиной комнаты. И перетереть несчастного Костю до горячих ушей.

– Ну давай, мелкий. Веди меня к каруселям, – сказала Уля, когда мама наконец выпустила Никитку из объятий. Самой Уле досталась рассеянная улыбка, брошенная в щелочку двери.

Никитка шустро рванул вниз по лестнице. Двор встретил их плотным жаром. На лавочке сидели две старушки, у обеих в руках дергались поводки, с другой стороны которых рыскали по газону полуголые собачки. Их хилые тела дрожали от избытка адреналина. Старушки равнодушно на них поглядывали.

– Понакупают животинок, – неодобрительно сказала одна, – а сами на работах своих до ночи. Вот на кой она мне, а я слежу, гуляю, мою...

Вторая согласно кивнула, смерив проходящую мимо

Ульяну цепким взглядом.

Никитка пронесся мимо, разгоняя маленький самокат, и крикнул что-то приветственное. Это мигом смягчило старушек – обе заулыбались и оставили Улю без едких замечаний в спину.

У Никитки был настоящий талант нравиться всем вокруг. Его любили самые злобные старухи, избалованные коты и дамы, которые еще вчера выходили на пикет чайлдфри с плакатом «Дети – могильный камень нашей жизни». От широкой улыбки Никитки таяли злые полицейские, редкая в их районе неблагополучная молодежь и даже многодетные мамы, которые были бы и рады пойти на собрание чайлдфри, да некогда.

Телефон надрывно вибрировал: Вилка рассказывала о свидании с бывшим одноклассником, превратившимся из очкастого ботана в модного компьютерного гения. Уля читала ее сообщения вполглаза. У нее самой, кажется, намечалась встреча.

«Я не против. Можно сходить в Нескучный. Там тень и красота», – печатала она, приближаясь к дороге, которая отделяла их дом от парка и каруселей.

Разноцветная футболка Никиты мелькнула чуть впереди. Он умело вел самокат по тротуару, звонко отталкиваясь от асфальта красной сандалякой.

«Здорово! Значит, завтра к шести я за тобой приеду?» – написал Костя.

Уля принялась печатать ему адрес, обдумывая, как лучше объяснить проезд через запутанные соседние улочки, и сама не заметила, как подошла к дороге. Самокат больше не дребезжал. Уля перечитала сообщение, уверенно нажала на «Отправить» и только после этого подняла голову. Тепло в груди сменилось неприятным холодком.

Никитка стоял посреди дороги. Одной ногой он удерживал самокат, а ко второй наклонился, чтобы поправить тугой ремешок сандаляки. Дорога была пустынна. Она сворачивала к дому, укрытому разросшейся зеленью. Здесь не было ни обозначенного перехода, ни светофоров. Местные ругались с управлением, то не шло на уступки, и всем по-прежнему приходилось делать крюк до ближайшей зебры. Правда, движение на дороге было вялым и медленным. Водители обычно снижали скорость, чтобы выползти из-за поворота, поэтому перебежать проезжую часть было легко и не страшно.

Но сейчас Никита застыл на середине дороги – пестрый, полный прыгучей радости. Уля открыла рот, чтобы прикрикнуть на него, но горло перехватило. Слова застряли в нем, язык прилип к нёбу. Уля схватилась за шею, не замечая, как из ее ослабевшей ладони выпадает телефон.

Никитка наконец справился с замком и выпрямился. На солнце глаза у него стали светлыми, почти прозрачными. Он уже растягивал губы в довольной улыбке, когда мир вокруг Ульяны померк. Движения замедлились, звуки доносились сквозь тяжелую толщу воды. Глаза Никитки оказались со-

всем рядом, словно Уля уже подбежала к нему, но тело ее не слушалось.

Секунда – и она увидела все со стороны. Ясный день, высокие многоэтажки греются на солнце, чуть заметный жар поднимается от асфальта, у бордюра стоит девушка в легком сарафане, возле ее ног валяется расколотый коробок телефона. А на дороге, за которой начинается тенистый парк, застыл мальчик, растрепанный, с выгоревшими волосами под полосатой кепочкой.

В воздухе пронзительно запахло горечью.

«Что за запах?» – подумала Уля, будто это было важно сейчас.

Когда из-за поворота на бешеной скорости выскочил грузовик, она вспомнила, что уже чувствовала этот аромат – давным-давно, на даче друзей Алексея. Там за домом начинался широкий лог, по его бокам росла полынь. Так же горько и терпко пахла она, цветущая, рассыпающаяся в пальцах седой пылью.

Грузовик тем временем был уже рядом. Уля успела прочитать на его боках что-то о диванах, которые тот везет. Не сбавляя скорости, машина выехала на ровный участок, и только тогда водитель заметил мальчика. Он так и стоял, одной рукой придерживая самокат, а второй снимая кепочку. Полынью пахло нестерпимо – казалось, весь мир пропитался ею и теперь полнится этой горечью, осязаемой и плотной.

Ульяна закричала, но звуки потонули в густой тишине.

Она хотела дернуться, остановить несущийся грузовик, но тела не было. Когда машина на полном ходу смела тонкую фигурку Никитки, мир наконец обрел звучание.

Истошный сигнал грузовика, нечеловеческий крик де-вушки, стоявшей у дороги, скрежет металла, звон укативше-гося самоката и глухой, страшный удар, с которым упало на асфальт отброшенное в сторону тело Никитки.

Мир ушел в темную воронку, пронзительно пахнущую го-речью травы. Но только на мгновение. А потом Уля моргну-ла и пришла в себя. Никитка стоял напротив, поднимая руку к кепочке, чтобы стянуть ее с макушки. Он смотрел на Улю с довольной улыбкой, солнце блестело на его длинных свет-лых ресницах.

«Совсем мы с ним не похожи», – мелькнуло в голове, и Уля шагнула к брату.

Но сонную тишину уже разрёзал пронзительный сигнал грузовика. Оставалась еще пара секунд. Их хватило бы, что-бы подскочить к мальчику, оттолкнуть его в сторону, повалить на землю, уволочь, закрыть собой.

Но Уля застыла. Страх накрыл ее. Пульс ударил по ушам, холодный пот выступил на лбу, заструился по груди и между лопатками. И Уля осталась на месте. Вот Никитка рассеянно повернулся на отчаянный гудок грузовика, вот водитель кру-танул руль в сторону, вот скрежет тормозов смешался с виз-гом металла. Хрупкое тельце взлетело в воздух, перекувырк-нулось и медленно, почти нежно упало на асфальт с другой

стороны дороги. Полосатая кепочка отлетела к обочине. Самокат отбросило в сторону. У ног Ули осталась одна только красная сандаля, та самая, с неудачным замком.

Уля успела разглядеть, как тонкой струйкой вытекает изо рта Никитки кровь, как удивленно смотрит он в небо, как взгляд его, начинающий стекленеть, хранит в себе отголоски прыгучей детской радости.

Кто-то истошно кричал совсем рядом. Уле понадобилось время, чтобы понять: это кричит она сама. Воздух нестерпимо пах полынью. Улицы продолжали таять на солнце.

Осторожно, двери закрываются

Будильник начинал звонить без пятнадцати пять. Тишина перед этим сгущалась, предчувствовала, что скоро сигнал порвет ее, не оставив шанса на доброе утро. Да и какое оно доброе, если за окном октябрь? Слякотный, дурной, со склизкой листвой вперемешку с первым мокрым снегом.

Ульяне снилась бесконечная серая стена – шершавая, ноздреватая. Она тянулась сразу во все стороны, чуть вибрировала под пальцами и гадко жужжала. Пальцы были чужие, хотя росли на знакомых кистях. Узловатые, с воспаленными костяшками, а главное – с широкой полоской грязи под отросшими ногтями. Тот, кто перебирал ими, исследуя бесконечную стену, определенно прорывал себе путь наверх через податливую свежую землю.

Сон этот был слишком реальным, чтобы просто забыть его с первым сигналом будильника. Уля потянулась, прогоняя озноб. В комнате было сыро и холодно.

Старые батареи не могли согреть восемь квадратных метров, которые занимал немногочисленный Ульянин скарб. Вещи всегда были противными на ощупь, а по стенам и потолку щедро расползалась черная плесень. Уля даже не пыталась с ней бороться. За три года скитаний по съемным комнатам она привыкла и к холоду, и к мерзким запахам, и к общим туалетам в конце захламленных коридоров. Все комму-

налки оказались похожи друг на друга, как близнецы, и эта была ничем не хуже остальных. Но и не лучше. Конечно же, не лучше.

Будильник продолжал сигналить, Уля слушала его пронзительный писк. Еще одна трель, и надо встать. Еще одна. И встать. Над ухом раздался глухой удар – жители соседней комнаты не желали просыпаться в такую рань. Уля так и видела, как заносится пухлый кулачок Оксаны, как остервенело она стучит им об стенку, вспоминая чью-то мать.

Можно было бы позлить ее еще немного, но на экране телефона отсчитывались бегущие минуты. Уля поднялась рывком. Тапочек не оказалось на месте. Холод в секунду пронесся от пяток до макушки, вызывая новую волну озноба. Еле слышно чертыхаясь, Уля натянула носки и хмуро огляделась.

За ночь в комнате ничего не изменилось: тот же продавленный диван с линялым бельем, тот же шкаф с отстающей от сырости стенкой; большая черная сумка, в которой Уля хранила одежду, серый полумрак и полоса желтого света от фонаря, который бил прямо в окно. Темноты Уля боялась сильнее всего. Большой страх вызывала в ней только травяная горечь на языке. Но вспоминать об этом не хотелось.

Уля сжала в руке увесистый коробок черно-белой «Нокии», купленной года три назад в переходе, и вышла в общий коридор. В нем, как обычно, воняло тушеной капустой. Высокая и грузная Наталья готовила ее по вечерам, часами пе-

ремешивая варево в закопченной кастрюльке. Аромат грязных носков въедался в кожу и волосы, его не перекрывала даже хлорка, с которой Оксана отмывала кухню после каждого капустного инцидента.

Уля зашла в холодную ванную, щелкнула выключателем, и лампочка вспыхнула, окрашивая все в болезненный желтый цвет. В заляпанном зубной пастой зеркале появилось бледное отражение: впалые щеки, острые скулы, голодные глаза цвета грязной воды в стаканчике для акварели. Уля мельком покосилась туда, стараясь не пересечься взглядом с той, что ждала ее по другую сторону зеркала. Только напонила себе рассеянно, что надо бы отложить с аванса немного денег на стрижку.

Наскоро почистив зубы и ополоснув лицо водой, Уля выбралась наружу. Тазы, висящие на стенах коридора, опасно звякнули. В самом углу, у двери, прислонившись к стене, как маленький тонконогий зверек, стоял детский самокат. Отпрыск Оксаны рассекал на нем по двору, когда в августе Уля въехала сюда. Сердце больно сжалось в ответ. Не оставила бы она залог, ни за что не вселилась бы в дом, где теперь натыкалась взглядом на детский самокат. Но деваться было некуда. К тому же запуганный мамашей Данил был абсолютно не похож на Никитку. Ни в движениях – робких, неуверенных, – ни в сопливом носе, ни в глуповатых вопросах, которые он задавал вечно раздраженной матери.

Наука смирения оказалась единственно необходимой.

И Уля смирилась. Потому ей не было особо жаль брошенного после третьего курса института. И уютной жизни в центре столицы, и оладий, и рассеянных поцелуев мамы на пороге дома – ничего. Так она твердила каждое утро, натываясь на самокат в углу.

Но ни разу еще себе не поверила.

Пока Уля собиралась и ворочала ключом в разболтанном замке, времени стало половина шестого. В шесть ноль пять от ближайшей станции отбывала электричка. За две остановки до конечной Уля выходила из нее, чтобы пройтись по темным переулкам и ровно в семь утра оказаться за рабочим столом. Шесть дней в неделю это был ее распорядок, помогавший хоть как-то сводить концы с концами. И не сойти с ума.

Уля неслась по мокрым тротуарам, а носки в ботинках предательски набирали воду. Ботинки нужно было менять. И этот вопрос становился все острее. Уля обходила большие лужи, лавировала между машинами, припаркованными прямо на тротуарах, но мысли ее были там, где тянулась сразу во все стороны бесконечная серая стена.

Образ не выходил из головы, мелькал, проступая через промозглую картинку раннего утра. Уля отмахивалась от него, пыталась переключиться: вот столб с объявлениями, вот машина с дурацкой наклейкой на бампере, вот закрытая «Пятерочка», а у нее уже курят грузчики. Но на языке начинала горчить полынь. И означать это могло только одно.

За три года это случалось сорок шесть раз. В транспорте, на работе, перед прилавком с помидорами, в толпе на станции метро и даже в теплой комнате, которую Уля делила со студенткой театрального вуза.

Приучаясь жить в помещении, похожем на вместительную коробку из-под холодильника, они с Софой почти подружились. В тот вечер решили посмотреть кино и даже купили замороженную пиццу. Софа что-то щебетала, набирая в поисковике название фильма, а потом повернулась к Ульяне, веселая и разгоряченная собственным рассказом.

Мир замедлился, голоса исчезли, и появилась полынть. Комната сжалась в одну темную точку. Зеленые смеющиеся глаза Софы залила чернота. Миг – и Уля увидела, как Софа идет по заросшему кустами скверу рядом с домом, как фонарь гаснет за ее спиной, как она вздрагивает, когда на шею ложится тяжелая рука. Недолгая борьба, булькающий сдавленный крик – и тело падает прямо в грязь, а по выпавшей из рук Софы сумочке рыщет все та же мужская ладонь и брезгливо откидывает полупустой кошелек, но срывает тонкую золотую цепочку.

– Эй, ты меня слышишь? – теребила ее за рукав живая Софа, пока Уля обдумывала, удастся ли съехать завтра, получив на руки остаток залога.

На следующий вечер Софа провожала ее у дверей, и глаза у нее предательски блестели.

– Это здорово, конечно, что у тебя тетка в Мытищах на-

шла... Но буду по тебе скучать! – бормотала она. – Ты мне пиши... Ах да. Тебя же нет нигде. Странная ты, Улька.

Уже переступая порог, Уля все-таки обернулась.

– Береги себя, хорошо? – При виде того, как нежно бьется на шее Софы жилка, удержаться было сложно. – И не ходи одна по ночам.

Больше они не виделись. Отчего-то Уля даже не пыталась их предупредить – ни подростка из дисконт-магазина, что тот выжжет себе мозги забористой кислотой, ни старушку – ей предстояло попасть под машину, ни девушку в джинсовом комбезе – в ее теле уже разрастался рак, но о нем пока никто не знал. Кроме Ули. Чаще всего они проходили мимо, не замечая, как замерла она рядом с ними. Не чувствовали полыни, не ощущали дыхания скорой беды. И Уля дожидалась, когда дрожь по телу утихнет, а сердце перестанет вырываться из-под ребер, и шла себе дальше, шла, не оглядываясь на живого мертвеца.

Вот и теперь она ежилась, стоя на краешке перрона, и старалась не смотреть никому в лицо. «Береженного Бог бережет» – абсолютно не к месту вспомнилась ей старая поговорка. Ее любила повторять мама, в остальном абсолютно неверующая. Острый укол ввинтился в Улю, будто кто-то ткнул ее иглой в бок. Об этом тоже не стоило думать.

Электричка со скрежетом подползла к станции. Уля переступила большую лужу и вошла в вагон. Внутри пахло людскими телами разной степени чистоты, мокрой одеждой, оде-

колоном и немного мочой. Зато никакой полыни. Уля выбрала место у окна, проскользнула мимо спящей тетки и села. Вагон чуть пошатнулся, потом поехал, неспешно набирая скорость. От душноватой теплоты Улю тут же сморило. Она чуть расстегнула куртку, ослабила шарф и прислонилась головой к стеклу. Электричку мерно покачивало, вагон бежал по рельсам мимо спящих районов. От людей некуда было деться. Они были повсюду. Куда бы ни упал взгляд, там обязательно стоял-сидел-шел-ехал человек. Уля чувствовала это особенно остро, пока привыкала всегда быть начеку. Не осматриваться, не считать ворон – просто перемещаться из точки А в точку Б. И тогда, если повезет, у нее будут спокойные недели и месяцы, не отравленные горечью полыни и чьей-то смертью.

Через сон Уля отсчитывая, сколько раз благожелательный женский голос в динамике повторит свое коронное «Осторожно, двери закрываются», – после девятого нужно было выходить.

Москва встретила ее промозглым ветром. К ботинкам тут же пристал сморщенный лист. Уля брезгливо откинула его в сторону и побежала вниз по переходу. На часах зависло тревожное «шесть пятьдесят два».

Ровно через восемь минут усатый Станислав Викторович покинет свой кабинет, сделает пару шагов коротенькими ножками и без стука войдет в запыленную комнату архива. А значит, Уля должна будет сидеть там, напряженно всмат-

риваясь в экран монитора. Тогда Станислав Викторович постоит на пороге, тяжело дыша через широкие ноздри, и уйдет, чтобы завтра повторить все сначала.

Уля прибавила шагу, пытаясь сфокусировать взгляд хоть на чем-то, кроме собственных ботинок, но дрожь расплзлась по телу так стремительно, что к горлу уже подступила тошнота.

– Не думай. Не думай. Не думай, – принялась шептать Уля, стискивая кулаки.

Только не сегодня. Сегодня месячный отчет по страховым контрактам. Пусть завтра. Завтра можно откосить, взять выходной, заболеть, отлежаться. Лучше вот посмейся еще разок, что тебя взяли работать не в морг, а в страховую контору.

Смеяться сил не было, как и выбора: мало кому нужна неумеха с аттестатом о среднем образовании и мятой бумажкой о трех прослушанных филологических курсах. Не станешь же предлагать новую модель телефона в салоне связи, когда есть шанс увидеть, что телефон этот уже не пригодится?

Оставалась еще работа на дому, но прокормиться ею не выходило. По вечерам Уля бралась кропать курсовые работы на стареньком ноутбуке, а утро встречала, сидя за таблицами под пристальным взглядом Станислава Викторовича.

– Сафронова, в шесть я жду от тебя отчет, – гаркнул тот, переступая порог архива. – И чтобы не как в прошлый раз,

а четко, точно и без опечаток, ты меня поняла?

Его толстый палец грозно навис над Улей. Она вздрогнула и оторвалась от экрана. Смотреть в мутные глаза начальника страшно не было. На третий рабочий день они столкнулись в узеньком коридоре, отделявшем офис от общего туалета. Секунда замешательства – и Улю накрыла травяная горечь, мгновенно смывая и вид потертых стен, и луковый запах чужого дыхания.

Она увидела, как постаревший, еще сильнее обрюзгший Фомин сидит в кресле у телевизора в темной комнатке. Его босые ноги в тапочках мерцают в отсветах сменяющихся кадров. Особенно запомнились грубо вывернутые вены на лодыжках. Пока Уля с отвращением их рассматривала, Станислав Викторович захрипел, рука его взметнулась к горлу, а багровые щеки сделались синими. Он забился в кресле всей тяжестью тела, но завалился на ручку и обмяк.

Когда Ульяна пришла в себя, Фомин неодобрительно смотрел на нее из-под кустистых бровей.

– Беременных увольняем сразу, так и знай, – буркнул он, протискиваясь мимо.

Уля еще немного постояла, провожая его взглядом. Она была бы не прочь увидеть в этих водянистых глазках мучительную гибель от своих собственных рук. Но вместо этого Фомин проживет еще много лет, жирея и издеваясь над подчиненными. Мир вообще не отличался справедливостью.

Весь день Уля неотрывно щелкала по клавиатуре, подби-

вая столбики и строки, заполняя ячейки и выводя по ним графики. Нудная работа успокаивала нервы. А осторожные пробежки до общей кухни не давали уснуть окончательно.

Маленький закуток, где скрывались чайник, кофемашина и вазочка с бесплатным печеньем, Уля считала главным плюсом этого места. Запертая в архиве, она старалась не встречаться ни с кем из других сотрудников, лишь изредка кивала им в коридоре. Они же, занятые клиентами, от кошельков которых зависели их собственные премии, и сами не стремились к сближению. Это было вторым плюсом.

Когда день за окном начал неотвратимо превращаться в сумерки, Уля отправила в печать готовые страницы отчета. Еще теплые, они приятно согревали мерзнущие ладони. Уля торопливо прошлась по коридору до кабинета Фомина и постучала. Дверь приоткрыла Аллочка. Она хищно улыбнулась – на передних зубах остались следы от помады.

– Тебе чего?

– Отчет. Для Фомина, – ответила Уля, глядя чуть выше Аллочкиного плеча.

– Давай сюда. – Та схватила странички и проворно втянула их в кабинет.

Изнутри донеслись приглушенный мужской голос, ответ Аллочки и грудной смех. Времени было три минуты седьмого. Обратная дорога всегда давалась легче. Уля выходила из офиса и шагала по переулку до станции. Ближайшая электричка приходила к десяти минутам. Обычно Уле хватало

времени, чтобы миновать мрачные подворотни, взбежать по ступенькам перехода и проскочить в двери вагона перед тем, как те захлопнутся. Следующий поезд прибывал в восьмом часу. Когда вечер складывался неудачно, Уле приходилось топтаться на перроне, грея руки о стаканчик жидкого кофе из автомата, и ждать еще час.

Сегодня все шло наперекосяк: Уля неслась по чужому двору и постоянно натыкалась на мамочек с колясками и медлительных старух. Один-единственный светофор на ее пути долго отсчитывал секунды до зеленого, а смятый билет никак не хотел проходить контроль.

Когда она выскочила на перрон, на вагоне уже всю мигали красные огоньки. Последним рывком Уля подалась вперед, понимая, что не успеет. В кармане звенела мелочь, ее надо было потратить на ужин, а не на мерзкий кофе со вкусом затхлого картона. Двери лязгнули и потянулись навстречу друг другу, когда изящная ручка схватилась за одну из них, а наружу высунулся носок глянцевого, чуть зеленоватого сапога.

Не веря в свою удачу, Ульяна заскочила в вагон, двери тут же захлопнулись, поезд дернулся и поехал. За грязными стеклами медленно поползли московские дворы. Ульяна с трудом оторвала от них взгляд и огляделась. В тамбуре, глубоко затягиваясь тонкой сигаретой, стояла девушка, закутанная в пальто размера на два больше, чем ей нужно.

– Уж если нарушать правила, так по-крупному, – сказала

она, покачивая тлеющей сигаретой. – Задержала отправление и курю в тамбуре.

Хохотнула, туша окурков, достала из кармана темно-зеленые варежки и в упор посмотрела на Улю.

– Только осень началась, а руки мерзнут, – объяснила за чем-то. – Пойдем? – И шагнула в вагон.

Ульяна наблюдала за ней, словно завороченная. Лучше было бы уйти. Дождаться остановки поезда на следующей станции и забежать в соседние двери. Но уверенный взгляд девушки, плавность ее движений, аромат духов и хрипловатый голос заставили Улю послушно последовать за ней и сесть напротив.

В вагоне было малоллюдно – пара замотанных женщин с тяжелыми сумками, лысый мужик в спортивной куртке, спящий в углу бездомный старик да еще парочка, страстно целующаяся у тамбура. Ульяна могла прислониться носом к любому окну. Но вместо этого она не отрывала глаз от девушки.

Дурное, отдающее полынью предчувствие уже билось в Уле, когда девушка посмотрела на нее и снова улыбнулась.

– Мерзкая погодка, правда?

– Да, холодно, – только и смогла выдавить Уля.

– Друг в твиттере написал, что у него машина на обочине в грязи застряла. Мне кажется, лучше московский октябрь не описать. – И девушка хрипло засмеялась.

Было в ней что-то притягивающее взгляд. То, как она ку-

талась в широкое пальто, строгое, почти мужское, как уютно смотрелись на его фоне вязаные варежки в тон дорогушим сапогам. Девушка сняла одну, открыла сумку, долго копалась в ней, ворча себе под нос, и вытащила наружу коробочку конфет. Длинные пальцы достали квадратик в блестящей фольге и протянули Уле.

– Нельзя, конечно, вечером такое есть. Но когда в жизни сплошной октябрь, могут спасти только шоколад, виски и секс. Конфету в этом паршивом городе отыскать легче всего... – Она все улыбалась, открыто и широко, но в глазах отражалась знакомая тоска.

Теперь Уля разглядела, что лицо девушки было болезненно бледным, под глазами набухли темные круги и вся она – дерганая, чересчур активная и разговорчивая – выглядела загнанной в угол кошкой. Той, что еще вчера была домашней, а сегодня облизывается в подъезде.

«Встань и уйди в тамбур, отвернись, уйди, бегом выскочи из вагона!» – вопил в Уле внутренний голос, но та, зачарованная движениями девушки, ее взглядом и улыбкой, протянула руку, чтобы взять шоколадку. На секунду их пальцы встретились. Уля успела ощутить холод гладкой кожи, но мир уже медленно растворялся перед глазами, а в нос нестерпимо ударил горький травянистый запах.

Уля увидела перед собой темный коридор. Девушка, которая сидела сейчас напротив, распахнула входную дверь и ввалилась внутрь, оскальзываясь на каблуках. Полы ее паль-

то были вымазаны густой грязью, сама она – растрепанная, с потекшей тушью – выглядела городской сумасшедшей.

Не разуваясь, девушка шагнула в комнату, взгляд ее блуждал по голым стенам – квадратики на обоях, оставшиеся после снятых рамок, смотрелись пустыми глазницами. Девушка пьяно хохотнула и осела возле стены. Одной рукой достала из сумки початую бутылку виски, второй потянулась к тумбочке и вытащила пузырек.

– К черту! Сволочь... Сволочь последняя... Буду я тут гнить, пока ты там трахаешься, как же... – зло шептала она, отсчитывая глянцевые таблетки.

Давясь слезами, высыпала на язык добрую пригоршню, не глядя отшвырнула пустой пузырек, сделала большой глоток из темной бутылки и тут же обмякла.

Ульяна в оцепенении наблюдала, как разглаживаются искривленные черты лица, а из уголков губ сочится белая пена. Уля смотрела на красивое тело в дорогих шмотках, которое на ее глазах убило себя одним дурацким пьяным решением. И не могла понять, что чувствует – жалость или раздражение?

– Эй, бери, говорю! – девушка пощелкала длинными пальцами у самого Улиного носа.

Пришлось приходить в себя, отрывать взгляд от протянутого ломтика шоколада и смотреть прямо в ее карие, тщательно накрашенные глаза.

– Не делай этого, – хрипло проговорила Уля.

Ресницы девушки заметно дрогнули.

– Что?

– Таблетки. Сегодня вечером. Не смей делать этого, ты еще молодая, ты красивая, он не стоит...

– Откуда ты... – начала было девушка, а ее губы сами собой сжались в тонкую полоску.

Она больше не улыбалась, из ослабших пальцев выпал шоколадный кусочек и остался лежать на полу вагона.

– Просто поверь мне, не надо этого делать, – еще раз повторила Уля.

Ее мутило и трясло. Проклятая полынь заполняла нос, не давая вдохнуть. Девушка напротив смотрела на Улю расширенными от страха глазами. Электричка медленно покачнулась и затормозила у остановки.

– Да пошла ты... – злобно бросила девушка, вскочила и зашагала по проходу – стремительная, высокая, – даже не обернулась. Уля проводила ее взглядом. Она тонула в горечи, из последних сил сдерживая рвоту. Но внутри зрело мстительное удовольствие.

– На, подавись. Она теперь не станет глотать таблетки. Теперь точно не станет, – не зная кому, прошептала Ульяна, поворачиваясь к окну, чтобы в последний раз посмотреть на спасенную.

Та уже выскочила наружу, застыла на перроне, придерживая одной рукой в зеленой варежке ворот пальто, а второй, голой, стискивая в побледневших пальцах сумку. А потом

решительно шагнула к переходу. Одно неловкое движение – и каблук сапога поехал на натянутой льдом луже. Девушка пронзительно вскрикнула и упала на спину. Глухой удар взлохмаченной головы о стылую плитку перрона заглушил благожелательный женский голос в динамике: «Осторожно, двери закрываются».

Станция качнулась за окном, и поезд потащил Улю дальше. Окаменевшая, она проводила глазами перрон, там осталась лежать безымянная девушка в красивом пальто. Из разбитой головы уже натекло крови. Вокруг начал собираться любопытствующий народ. Дежурный по станции что-то равнодушно говорил в рацию. А на соседнем сиденье продолжала лежать забытая зеленая варежка.

Веточки укропа

Ульяна бежала по тротуару. Мимо проносились дома, поделенные светящимися пятнами окон, словно они кривые шахматные доски. За каждым ламповым огоньком скрывалась своя жизнь, свои беды и радости. Люди сходились, сталкивались лбами, переплетались пальцами, впивались губами, кричали что-то бессвязное, предавали, падали, верили, рыдали навзрыд – словом, жили, делая все, что было теперь недостижимо далеко от Ули.

Перед ней до сих пор стояла увиденная картинка: девушка, распластанная на дорогом паркете, из ярко очерченных губ стекает пена. Правда, реальность оказалась еще гаже. Поскользнуться на первой замерзшей луже, вскинуть руки и упасть, разможив голову о перрон. Неправильно настолько, что даже смешно. Но Уля не смеялась. Она бежала домой, не видя ничего, кроме комьев грязи под ногами.

«Не смотри. Не смотри на них», – просила она себя каждый раз, когда с ней равнялись прохожие.

У светофора собралась небольшая толпа: зеленый свет никак не желал загораться, таймер давно ушел за ноль, сменившись прочерком, а блестящие машины все мелькали на зебре.

Рослый парень заинтересованно покосился на Улю. Ее передернуло. От вида накачанных красавцев ее стабильно тош-

нило последние три года. Вязкая дурнота поднималась из желудка вверх по гортани, булькала и пузырилась. Шел третий месяц одинокой жизни, когда в поезде к ней подсел именно широкоплечий парень с женственными губами. Он широко улыбнулся, а Улю вывернуло прямо на его белые конверсы.

Зеленый наконец вспыхнул, и Ульяна побежала дальше, разбрызгивая грязь и топча мокрую листву. Она не знала, почему бежит. Никто не гнался за ней, никто не ждал дома. Мертвая девушка из электрички осталась далеко позади. Ее, наверное, уже увезли в морг и укрыли простыней.

Первый раз Уля решила вмешаться, предостеречь от увиденного, от мерзкой полыни, бившей в нос, предвещающая смерть. И все закончилось еще хуже – странным, наигранным падением. Толпой зевак и уставшим работником станции. Нет, совсем не так должна была умереть дерганая красotka в умопомрачительно широком пальто.

Как бы дико это ни звучало, но больше прочего сейчас Улю мучила именно несурзность этой внезапной гибели. Что-то пошло не так, как было запланировано. И это она, Уля, оказалась виноватой.

Но что было делать? Привычно отвести взгляд? Взять шоколадку из протянутой теплой, живой ладони, улыбнуться и перейти в другой вагон? Чтобы этим же вечером девушка наглоталась таблеток, шепча проклятия кому-то равнодушно покинувшему ее? Уля шагала по темному переулку, а мысли билась в ней, сталкиваясь и отскакивая, как прыгучие мячи-

ки. Когда она вошла в подъезд, последние силы ее покинули. В затхлой темноте стало возможным признаться: все это время она надеялась, что в странных видениях есть смысл. Может быть, ей суждено спасти других от гибели? Предупредить их, указывать путь, который уведет прочь от дня, часа и минуты, которые могут стать последними?

Уля не решалась попробовать, но мечтала однажды спасти кому-то жизнь. Тогда и ее собственное существование перестало бы ходить по бесконечному кругу. И даже гибель Никитки – при мыслях об этом тошнота снова поднималась к горлу – внезапно превратилась бы во что-то сакральное. В жертву, которую нужно было принести во имя великого, благого, нужного всем. Но не случилось. Она попыталась, и все обернулось еще хуже – хотя, казалось бы, куда?

Уля сползла по облупленной стенке, уселась на пол и дрожащими руками нащупала телефон. Экранчик слепо мерцал в темноте, единственная лампочка на этаже давно перегорела, но Уля и на ощупь могла найти в коротком списке контактов тот, что начинался с буквы М. Столько раз она проделывала это, но каждый заканчивался нервным сбросом до первого же гудка.

За прошедшие годы они разговаривали с мамой трижды. Первый – когда Уля купила телефон и набрала ей, чтобы мать знала номер. Второй и третий – на мамины дни рождения. Встречных звонков Уля так и не дождалась.

Наверное, ей проще было бы думать, что семья умерла

вместе с Никиткой. Что мама собрала вещи сразу после похорон и вышла из квартиры, чтобы не видеть больше ни дочь, ни мужа. Но все было не так. Горе сплотило маму и Алексея. Она рыдала на его плече, а тот растерянно покачивался из стороны в сторону. Он готовил куриный бульон и кормил ее с ложки, дуя на маслянистую жидкость, в которой обязательно плавали зеленые веточки укропа.

Когда слезы иссякли и мама статуей принялась сутками сидеть на детской кровати, Алексей приходил, усаживался в ноги и что-то говорил негромким спокойным голосом. Вначале мама и не слышала его, но он не замолкал, и спустя пару дней она начала кивать в ответ.

Через две недели после похорон Уля услышала материнский голос.

– Свет, хочешь, я принесу тебе чаю? – робко спросил Алексей, зная, что она не ответит.

– Давай, – хрипло проговорила мама, и тогда он заплакал.

Каменя, Ульяна слушала его всхлипывания и неразборчивый шепот мамы, которые сливались в один оглушительный грохот новой жизни. Уле хотелось вскочить, пробежать по коридору, ввалиться в комнату Никитки, зарыдать, размазывая по лицу слезы, упасть рядом с родителями, чтобы и ее хоть кто-нибудь пожалел. Выслушал все, что накопилось, весь ее животный, неопиcуемый страх и тоску. Объяснил наконец: что случилось на той дороге, что она видела и почему не сумела предотвратить?

Но слова, брошенные матерью в приемном покое ненужной, не способной помочь им больницы, продолжали звучать в ушах.

– Лучше бы это ты умерла... – сказала мама, когда Уля бросилась к ней, застывшей в дверях палаты. – Лучше бы я тебя никогда не рожала.

Тогда Уля не поверила ее осипшему голосу. Повисла на маминой шее в поисках сострадания и защиты от невыносимого чувства вины. Но мама отбросила ее руки с таким отращением, что все стало понятно без слов.

Больше они ничего друг другу не сказали. Ни в тот вечер, когда тело Никитки осталось лежать на столе морга, ни во время подготовки к похоронам. Улю избегала вся родня. На нее косились, перешептываясь, а мама обходила взглядом. Алексей старался что-то исправить, однажды попытался даже обнять Улю за плечи, но от него пахло одеколоном – точь-в-точь таким, как был у спортивного Кости. Того самого, не дождавшегося свидания. Тогда Улю первый раз замутило, она успела отскочить в сторону, забежать в туалет, и ее долго рвало, пока желудок не свело желчной судорогой.

Больше Алексей не подходил. Но все равно оставлял на столе чашку с бульоном. В бульоне плавали веточки укропа.

В следующий раз мама заговорила с Улей, когда та решилась заговорить с ней сама.

– Мам, – начала она, чувствуя, как мягко ведет в сторону от усталости и страха.

Мать стояла спиной к двери, ее руки методично двигались – она раскладывала по полкам высушенное белье.

– Мама, – с нажимом повторила Ульяна.

Наволочка с синими ромбиками осторожно легла на вер-хушку ровной стопки.

– Нам нужно поговорить, – наконец решилась Уля. – Так не должно больше продолжаться. Я схожу с ума. Я не могу видеть, как тебе плохо, и знать, что ничего уже не исправлю. Мам... – Она сбилась, вытерла текущие слезы.

Розовая простыня аккуратно скользнула на верхнюю пол-ку.

– Мы видели запись с камеры. – Ледяной голос матери пробирал до самых костей. – Никитка... Он минуту стоял на дороге перед тем, как выскочил грузовик.

– Да, я знаю...

– Он смотрел на тебя, а ты копалась в телефоне. У тебя было шестьдесят секунд, чтобы оторваться от экрана. И твой брат был бы жив. Но ты не сделала этого.

– Мам... прости меня.

– Не надо. – Она дернула плечом.

– Я не могу так больше. Ты меня не видишь. А мне тоже больно...

– Нет.

– Но что-то же надо делать... – Дрожащими пальцами Уля потянулась к матери.

Пододеяльник с багровыми цветами улегся на нижнюю

полку шкафа.

– Да, нужно.

– Скажи мне... Просто скажи. Может, мы пойдем к врачу все вместе?..

– Нет. Не будет никакого врача. Просто тебе нужно уехать.

И снова Уля не поверила ее словам. Тогда ей казалось, что поломанную жизнь получится склеить так, чтобы не было видно швов и сколов. Непростительная наивность.

Мама медленно повернулась к ней лицом. Горе заострило ее черты, сделало их еще красивее. Мама стала чуть смуглее, звонче и пронзительнее. Правильной лепки нос шумно втянул воздух. Уля поняла, что мама из последних сил сдерживает крик.

– Ты не будешь здесь жить. Слышишь меня?

– Но куда мне... – Уля растерянно потянулась к ней, но мама отпрянула.

– Я ничего тебе не должна. Собирай вещи, я дам тебе денег на первое время. И уезжай.

– Мам...

– Нет, теперь у меня только один ребенок. И он умер. По твоей вине. – Мама прочистила горло, взяла стопку наволочек и, аккуратно обойдя Улю, шагнула к двери. – Постарайся уйти до того, как вернется Леша. Я не хочу, чтобы он все это видел.

Четыре следующих дня Уля проплакала в комнате Вилки. Та ходила вокруг на цыпочках, постоянно подогревая чай в

прозрачном чайнике.

– Да она совсем свихнулась... – повторяла подруга, неодобрительно посматривая на стенку, за которой Уля больше не жила.

– Она права, – упрямо отвечала та. – Я виновата... И теперь просто не имею права жить с ними.

– Но она же твоя мать! – негодуяще вскидывала руки мама Вилки – тетя Таня.

Уля только кивала, просматривая объявления о сдаче комнат. На пятый день уголок в дальнем Подмосковье нашелся. Мама Вилки отвезла ее сама, помогла затащить сумку с вещами и долго топталась на пороге.

– Ульяночка, мама остынет и побежит тебя искать. От горя у людей часто ум за разум заходит... – В добрых глазах тети Тани блестели слезы, и она смаргивала их. – Дай я тебя обниму... Ты сразу нам звони, если что.

Когда Уля закрыла дверь и принялась разбирать сумку, внутри оказалась целая кастрюлька домашних котлет и смятая пятитысячная купюра. Она и сама думала, что обязательно позвонит подруге, как только обоснуется на новом месте. Но потом это опять случилось – в грузном мужичке Уля разглядела инфаркт, снежной зимой, прямо на вечерней улице под светофором, и полынь широким потоком хлынула в тесную кабинку лифта, где они встретились.

Вот тогда-то Уля и поняла, что увиденный за секунду до своего появления грузовик не был странной реакцией созна-

ния на стресс. А значит, в добрых глазах пухленькой тети Тани, да и в смешливых глазках Вилки тоже может вдруг качнуться мир и появиться знание того, с чем Уля не сумеет сжиться.

Длинный гудок оглушительно раздался в трубке, которую Уля прижимала к щеке. Она тут же представила, как недовольно вибрирует маленькая розовая раскладушка в маминной сумке. Как изящная рука долго копается в тканевых закутках, а потом находит гладкий пластик и вытаскивает его наружу. Как между тонкими мамиными бровями в секунду появляется складка, а взгляд холодеет.

– Да. – Знакомый голос заставил Улю подавиться заготовленными словами.

– Мам... привет, – просипела она, стискивая трубку во влажной ладони.

– Что ты хотела?

– Ничего. Просто услышать тебя. – Тишина, разбавленная телефонными шумами, заполнила линию. – Как дела?

– Я не могу сейчас разговаривать.

Три коротких гудка закончили бессмысленную попытку облегчить душу. Уля посидела еще немного на затоптанном полу. Мимо прошел мужик, от него пахло грязными носками и прокисшим пивом.

– Наркоманы чертовы! – ругнулся он, поднимаясь по лестнице.

Ульяна дождалась, пока хлопнет дверь, и встала. Голова

шумела, а желудок постанывал от голода. Нужно было выйти на улицу, добрести до подвального магазинчика и купить какой-то еды. Но Уля добралась до своего этажа, покопалась ключом в замке и шагнула через порог. В это время суток общий коридор обычно тонул в сонной темноте. Только дверь в кухню могла скрывать за собой признаки капустной жизни Натальи. Семейство же Оксаны запиралось у себя – накормленное, отмытое, готовое к вечерним скандалам.

Но свет в прихожей сиял, по коридорчику сновали и топали, о чем-то нервно переговариваясь. Уля огляделась. Тяжелый шкаф, обычно прислоненный к стенке и забитый пыльным барахлом, оказался выдвинутым на середину. Толстые руки Оксаны в спешке вытаскивали из него тюки одеял, заношенных свитеров и коробок с обувью.

– Вселяется тут какой-то, – прошипела она, поглядывая на Улю через плечо. – Хозяин расшумелся, что я дверь приперла шкафом. А куда мне вещи девать? – И снова принялась копать в пыльных залежах, сыпля отборной руганью, не замечая, что у ног ее возится Данила.

Уля проскользнула в свою комнату. Там было тихо и темно. Ей хотелось рухнуть на кровать не раздеваясь и уснуть так крепко, чтобы завтрашний день никогда не наступил. Но живот предательски крутило. Ульяна скинула куртку, сменила промокшие ботинки на тапочки и вышла в коридор.

Оксана уже стащила барахло в одну кучу и теперь ворошила ее, брезгливо морща мясистый нос. На кухне шумно

ворочали ложкой в кастрюле. Яркий свет лампочки без плафона вгрызался в мозг. Уля стиснула зубы, распахнула холодильник – на ее полке лежали заветренный кусок сыра и пара кусков хлеба в прозрачном пакетике. Вытащив их наружу, она подошла к плите и поставила чайник. Безразличная ко всему Наталья продолжала стучать ложкой по дну кастрюли. На ее широких плечах небрежно висела тяжелая бурая шаль, бахрома покачивалась в унисон каждому движению.

Уля с трудом оторвала взгляд от Натальи и перевела его на весело пляшущий огонек газа под чайником. Большая чашка крепкого чая с двумя ложками сахара, которые Ульяна планировала стащить из вазочки на столе Оксаны, казалась настоящим спасением. Возможностью дожить до утра. И начать новый день так, словно сегодня ничего не произошло.

В ответ на Улины немые размышления Наталья замерла, вздрогнула всем телом, бросила ложку на стол и выскочила в коридор. Ее гулкие шаги раздались за стеной, она вошла к себе и захлопнула дверь. Уля пожала плечами – внезапные приступы активности, что сменяли заторможенность ритмичных движений, наверное, имели длинное название диагноза на латыни. Но это была просто Наталья. Ничего нового.

Чайник все не закипал. Ульяна повела носом, вдыхая плотный аромат варева в оставленной кастрюльке. Запах согревал даже на расстоянии. Заметит ли припадочная соседка, если супа станет чуть меньше? Уля знала точный ответ,

потому вытащила из кружки пакетик с чайной пылью, схватила брошенную ложку и склонилась над кастрюлькой.

Внутри плескался жирный бульон. Он отливал золотом, расходился кругами и пах так вкусно, что кружилась голова. По его наваристой глади плавали тонкие веточки укропа. В уши ударил хриплый плач Алексея и шепот мамы, доносящийся из осиротелой спальни Никитки.

Улю замутило. Она прижала ладонь ко рту, заталкивая обратно то ли слезы, то ли отчаянных смех, и вдруг подумала, что вот сейчас все закончится. Все эти годы, проведенные в тесных и затхлых комнатах, с опасными соседями, вечным голодом и промокшими ногами. С одиночеством. С невозможностью смотреть в глаза прохожим, с постоянным страхом за себя, с ужасом перед собой. С этой чертовой полынью. Все завершится на облезлой кухне, где так вкусно пахнет бульоном, сваренным чужой рукой. И Уля просто сойдет с ума, разглядывая плавающие в сытном вареве веточки укропа.

За спиной послышались шаги. Это могла быть Наталья. А может, и Оксана, решившая прибраться, просто потому что только это и умела делать. Больше некому было переступить скрипучий порог кухни и застать Улю на месте преступления.

«Интересно, – подумала она. – За попытку украсть бульон они меня побьют или просто ментов вызовут?»

Раздавшийся за спиной мужской голос заставил Улю повернуться.

– Ты не против?

У стола стоял парень и с интересом смотрел на нее. Прямо в глаза. Уля замешкалась на секунду, потому успела разглядеть, как темнеют от краев к центру радужки его глаза, как вопросительно изогнута бровь. А потом отвела взгляд.

– Рэм, – представился парень. – Так ты не против?

Он махнул рукой, в пальцах была зажата сигарета.

– Оксана здесь курит, так что ничего. – Уля старалась смотреть выше его плеча.

– Шумная блондинка? Отлично. – Он говорил, чуть кривя нижнюю губу. – Я теперь здесь живу.

– Ясно, – буркнула Уля, не зная, куда деться от него под безжалостным светом лампочки.

– А ты? Тоже здесь живешь, так? – Парень потянулся к форточке, и плотный аромат бульона мигом сменился влажным воздухом улицы.

– Да.

Уля положила ложку на место. Потом выключила газ под чайником и направилась к себе, делая вид, что не чувствует, как парень провожает ее взглядом.

В комнате, все еще сжимая в руке пакет с хлебом и сыром, она открыла крышку ноутбука. Тот надсадно зашумел в ответ. Встреча с новым соседом только подтвердила уверенность, что дальше так продолжаться не может. Назойливость, с которой парень расспрашивал ее, не обещала ничего хорошего.

Грязная коммуналка не только была Уле по карману, но и спасала от лишнего внимания. Теперь же ей снова придется искать убежище, пока в карих глазах нового соседа она не разглядела острое лезвие ножа в переулке, а может, что похуже. Только сил на переезд в Уле не было. В ней их вообще не осталось. Она чувствовала, как разум медленно, капля по капле, покидает ее, сменяясь плотной пеленой отчаяния.

Дрожащими пальцами Уля схватила мышку, кликнула по браузеру и ввела в поисковике: «Москва. Психоневрологический диспансер».

МЯТЫЙ КВИТОК

Грязно-серое здание в два этажа почти сливалось с небом. Потемневшие от сырости и времени рамы смотрели на мир через пыльные стекла, а входная дверь тихо поскрипывала каждый раз, когда кто-то приоткрывал ее, чтобы прошмыгнуть внутрь.

Уля сидела на скамейке, сжимая в руке листочек, на котором еще ночью накорябала адрес диспансера, выданного поисковиком. Экран ноутбука так равнодушно светился, отображая списки больниц, что Улю передернуло. Было в нем что-то напоминающее взгляды прохожих, с которыми те поглядывают на прикрытое тряпочкой тело в метро. Такой же спокойный, отстраненный взгляд не желающих потратить ни секунды на сочувствие чужой беде. Уля сама так смотрела. На уличных больных и нищих – равнодушно, с легкой досадой. Пока сама не стала больной и нищей.

Вечером она долго еще маялась у ноутбука. Пока тот сам не пискнул рассерженно. А потом зашумел и выключился. Тишина смешалась с пыльным сумраком комнаты. Только из-под двери выбивалась полоска света. И фонарь подглядывал в окно.

Записка с адресом жгла ладонь, Уля отложила ее, посидела немного, вслушиваясь в разговор за стеной. Наталья снова говорила сама с собой – монотонно, пугающе громко. Вот

кто должен сидеть в темной комнате, разбираясь, как проехать туда, где его обколуют успокоительными и завяжут руки за спиной. А сама-то чем от нее отличаешься? – спросила себя Уля. Не слышать голоса, не видеть чертей, не воображать себя Наполеоном оказалось мало, чтобы считаться нормальной.

– Лучше бы выдуманный друг, чем эта херь, – прошептала Уля, прямо в одежде укладываясь на скрипнувший диван.

Утром она проснулась до звонка будильника. Рассеянный свет из окна еще не начал пробиваться сквозь октябрьскую хмарь. Уля с трудом поднялась с кровати. Ей снова снилась бесконечная стена, покрытая длинными бороздами, будто кто-то царапал ее из последних сил. Чужие пальцы ощупывали каждый сантиметр ноздреватого камня, но не находили лазейки. От этого они двигались еще быстрее, еще резче и озлобленнее. Скрежет грязных ногтей оглушил Улю, и та вырвала себя из сна. И долго потом сидела, свесив ноги на холодный пол, заставляя себя поверить, что сон всегда останется сном. Получалось плохо.

Время приближалось к пяти утра, когда Уля вышла из комнаты. В коридоре никого не было. За соседской дверью кто-то оглушительно храпел. Уля была уверена, что звук этот вырывается не из горбатого носа пришибленного мужичка, что какими-то кознями судьбы стал мужем Оксаны. Наталья же спала бесшумно, а может, и не спала, а сидела спиной к окну, уставившись в стенку, не моргая и не дыша. Третья

дверь – черная, плотно закрытая – нарушала привычный вид коридора. Обычно ее загораживал шкаф, теперь же он сиротливо стоял в углу.

Пока Уля размышляла об этом, раздался шорох легких шагов: кто-то подошел к двери с той стороны, замер, прислушиваясь, и остался стоять. Уля слышала, как скрипнул пол. Как тяжело задышал тот, кто стоял напротив, отделенный от нее выкрашенной в черное фанерой.

«Сумасшедший дом какой-то», – подумала Уля, натянула куртку и только на первом этаже вспомнила, что настоящий дом для сошедших с ума ждет ее впереди.

Дороги по спящим улицам Уля не заметила. Она шла вперед, сжимая в кулаке бумажку с адресом, и старалась не думать вообще ни о чем. Просто идти, переступить ногами, обходить лужи, ждать зеленый свет, подниматься по лестнице на мост, сходить с него, чтобы потом молча пройти турникеты, сесть на самую первую электричку и ехать, уставившись в окно.

Через проход от нее на сиденьях спал мужик в засаленном ватнике цвета хаки. От него несло кислым. Он лежал, поджав под себя ноги в рваных ботинках. По спутанной бороде текла вязкая слюна. Уля бросила на него взгляд, но не почувствовала ничего особенного.

Раньше она бы вскочила, может быть, позвонила по громкой связи машинисту с требованием немедленно убрать это из вагона. Нет, не так. Раньше она бы и не оказалась в утрен-

нем поезде вместе с бездомным пьяницей.

Но сейчас Уле пришлось напрячься, чтобы найти между собой и этим мужиком хоть пару различий. Оба они не были хоть кому-нибудь нужны, оба не знали, что делать дальше и зачем жить. А чистая одежда и пара банкнот – не такое уж и преимущество.

Когда до станции оставался один перегон, Уля отыскивала в кармане мятый столик и положила его рядом со спящим пьянчугой. Тот что-то бессвязно буркнул, приоткрывая мутные глаза, но Уля уже шагала по проходу не оборачиваясь.

Когда она добралась до обшарпанного здания диспансера, темное небо начало светлеть. По дорогам ползли первые автобусы, люди в них сонно клевали носами. Но у дверей лечебницы толпился народ. Кто-то переругивался. Кто-то комкал в руках ворох бумажек. Кто-то стоял в отдалении и разговаривал по телефону. Если сайт не наврал, запись на прием начиналась в половине седьмого, но очередь уже вилась у дверей, закругляя хвост под ногами Ули.

Почему-то ей казалось, что еще на подходе ее начнут окружать будущие пациенты – дерганые, крикливые, шепчущиеся сами с собой. Мысль, что на прием могут прийти и те, кому просто нужна справка, в голову не пришла. А теперь Уле даже дышать стало легче. Пока она не войдет в кабинет врача, пока не сядет на стул и не расскажет о своей беде, все кругом будут считать ее нормальной, пришедшей уладить бумажные дела.

Она расправила плечи и огляделась. Мужчина, стоявший впереди, нервно отчитывал кого-то на другом конце трубки.

– Я сказал, чтобы все было готово к двум. Слышишь? К двум! – Он поморщился. – Я буду в районе часа и проверю. Ты поняла меня? – И нажал на отбой, не выслушав ответ. Проворно повернулся и вцепился в Улю взглядом маленьких злых глаз. – Чего уставилась?

– Вы... – Она старательно смотрела выше его плеча. – Последний?

Мужчина взглянул на нее пристальнее и отвернулся:

– Да.

Ульяна выдохнула. Ее всегда удивляло, как легко люди умеют вываливать на других свою злость. А потом спокойно заниматься делами, будто ничего и не случилось. Вот откуда нервному мужику из очереди знать, что его жизнь не закончится сегодня? Может быть, решишь Уля взглянуть в его звериные глазки, она разглядела бы несущегося по встрече дальнобойщика? И что останется после? Кто вспомнит добрым словом? Секретарша, прохожие, соседи, жена?

Уля медленно пробиралась ко входу в диспансер и все никак не могла придумать, что именно скажет, чтобы получить квиток.

– Фамилия? – устало спросила ее тетушка в тяжелых очках.

– Сафронова.

Мужчина, получивший печать на нужных ему бумажках,

стоял совсем рядом и что-то просматривал в записях. Он с интересом поднял взгляд на ее голос, потом опустил, но продолжал слушать, что она говорит. Уля точно это знала.

– В списках нет, давайте полис.

Уля протиснула тонкую карточку в прорезь стекла. Тетушка принялась печатать, прижимая лицо к монитору.

– На прием, консультацию или за справкой? – спросила она, замерев над клавиатурой.

– Что? – Уля не могла отделаться от мысли, что злобный мужик вслушивается в каждое ее слово.

– Зачем пришла? Медицинскую книжку оформлять? Или на прием?

– А есть разница?

За спиной начали переговариваться. Она задерживала очередь, привлекая к себе все больше внимания.

– На прием, – чуть слышно выдохнула Уля.

– Что?

– На прием, – сказала она громче, явственно слыша, как насмешливо хмыкнул стоявший у двери мужик.

Щеки пылали, когда Ульяна спустилась по скрипучей лестнице и выбежала наружу. Моросил дождь. Мужик успел дойти до припаркованной на углу машины, но все-таки обернулся, бросил любопытный взгляд. Ульяна дернулась, свернула в маленький сквер, который прятал здание диспансера от остальных улиц, и села на скамейку лицом к двери лечебницы. Люди входили и выходили. У каждого из них своя

жизнь. И смерть тоже своя. От нее-то Уля и мечтала сбежать. Но как войти в кабинет врача и сказать ему правду?

– Я вижу чужую смерть, – проговорила Ульяна. – Я. Вижу. Чужую. Смерть.

Это звучало бредом. Детским розыгрышем. В лучшем случае ее отправят домой. В худшем – запрут в комнате с теми, кто не умеет разделять вымысел и правду. И ладно бы только с людьми, но и со смертями их тоже. Лекарства могут помочь, а могут и нет. Тогда Уля и правда сойдет с ума.

Контрольный час проверки ее кабинета Фоминым давно наступил. Но Уля даже не подумала взять выходной или прикинуться нездоровой. Телефон резко завибрировал в сумке. На секунду Уле показалось, что звонит мама. Что она, распознав в ночном звонке отчаяние, решила сама найти Улю, поговорить, помочь, простить. Но по ушам ударил голос Алочки:

– У тебя большие проблемы.

Уля сдавленно хмыкнула. Она сидела на скамейке у психоневрологического диспансера, сжимая в ладони бумажку с адресом и квиток на прием. Алочка первый раз в жизни оказалась права. У Ули и правда были проблемы.

– Я знаю, – выпалила она.

– Что?

– Я знаю, у меня проблемы. И?

– Совсем с ума сошла...

Уля просто не сдержалась. Она закинула голову и засме-

ялась.

– Прости. Я не над тобой, – проговорила она, утирая слезы. – Так у меня проблемы?

– Да. Фомин недоволен твоим отчетом, плюс прогул, плюс клиенты на тебя жалуются, они приходят к нам за спокойствием... – Аллочка говорила заученным тоном, но сбилась. – А ты действуешь им на нервы. И мне. И всем.

– Так я уволена?

– Пока нет. Отдел кадров не хочет тебя увольнять за один прогул. – Выходит, Фомин уже отдал приказ от нее избавиться, но это оказалось не так-то просто. – В общем, бери отпуск за свой счет. А через две недели посмотрим.

Ульяна отложила телефон. Вот и все. Решение приняли за нее. Как прожить две недели навязанного отпуска с четырьмя тысячами в кармане, если через шесть дней наступит крайний срок оплаты комнаты? Ответ – никак.

Просить денег не у кого, съезжать некуда, жить не на что. Все эти «не» превращались перед глазами Ули в красную мерцающую стрелку, прямо как в мультиках, которые запоём смотрел Никитка. И указывала она на дверь диспансера.

Уля уже поднялась на ноги, когда по дорожке, ведущей к зданию, проехал уазик с красным крестом на боку. Распахнулась задняя дверь, двое крепких мужчин вытащили наружу упирающегося парня. Тот извивался, дергался и сучил ногами. Все лицо его занимали бешеные глаза с лопнувшими капиллярами. Пока санитары тащили его внутрь, он молчал,

но, стоило двери распахнуться, парень раскрыл рот и принялся орать, отталкивая от себя руки, которые равнодушно тащили его внутрь.

– Говорящие деревья! – вопил парень. – Деревья! Я слышу их голоса!

Курившая на крыльце дама в тесной куртке посторонилась и осталась стоять так, со стыдливым интересом поглядывая на происходящее в холле. Парень еще кричал что-то, медленно замолкая.

– Вкололи ему, видать, – просипел идущий мимо дед. – Повезло. – И пошел дальше, мерно лопоча под нос.

Уля с ужасом проводила его взглядом. Теперь ей казалось, что все кругом больны. Каждый стоящий тут, затягивающийся сигаретой и мокрым воздухом осеннего утра, идущий, едущий, принесший справки на подпись, словом, любой из них нездоров. И не только здесь. Вообще все кругом тащат в себе груз мучительной болезни, просто кто-то умеет скрывать его, а кто-то нет. В этом и есть наука жизни – прятать сумасшествие настолько глубоко, чтобы самому поверить в свою нормальность.

Но Уля не справлялась. И выхода было два – пойти сейчас в больницу, где еще бьется затихающий парень, или закончить все самой. Не тянуть муку. Не видеть больше ничего. Шагнуть вниз с высокого моста. Или на жужжащие под скорым поездом рельсы. Что угодно, только бы не чувствовать полынь, разливающуюся вокруг, как талая вода.

Уля выронила из рук смятый квиток и пошла к станции.

– Я не сделаю этого, – шептала она, пока ноги несли ее к станции.

Мимо проехала скорая, тетушка, идущая впереди, шарахнулась в сторону и наступила прямо в лужу. Уля ушла от столкновения, но обернулась и посмотрела тетушке прямо в глаза – карие и водянистые.

– Я не сделаю этого, – повторила она, надеясь и страшась, что в ответ ей пахнет пылью.

Это было бы знаком. Четким и понятным, будто его огромным транспарантом развернули в небе. Если сейчас, пока она идет к станции, чтобы закончить все одним махом, во встреченном незнакомце появится смерть, Уля шагнет вниз с моста. Отдаться случаю было удивительно приятно. Так долго она сама принимала решения, выворачиваясь наизнанку, лишь бы протянуть, выстоять, смочь. Чтобы все рухнуло за одни сутки. Ее уволят с работы, выгонят из комнаты, а денег не хватит даже на еду. Выходит, она проиграла.

Но пылью медлила. Тетушка отвела взгляд, выбралась из лужи и поспешила по своим делам. И все остальные – тоже. Восточного вида парень с точеным лицом. Рыжеволосая девушка с длинной косой, в ее руках надрывался мобильный, и она смотрела на экран с таким восторгом, что Уля залюбовалась. Потасканная девица в мини. Грузная тетка в несуразном пальто. Мужик без куртки. Две щебечущие девочки с рюкзаками. Стайка китайцев с фотоаппаратами и счастли-

вым прищуром. Женщины-мужчины-дети. Старик в тяжелом полушубке. Хромая овчарка с порванным ухом. Все они шли мимо, не замечая Улю, рассеянно скользя по ней взглядом или смотря в упор. И ни в одном из них не было полыни.

«Я не сделаю этого», – поняла Уля.

В голове зазвучал насмешливый голос Аллочки. Она торжествовала, сообщая дурные новости, не потому что Уля была врагом. Просто ей нравилось, когда у другого случалась беда. Так она чувствовала себя лучше, защищеннее остальных. По шее пробежали колючие мурашки. Город тянул к Ульяне цепкие пальцы, а под ногтями, как во сне, была людская грязь.

Ульяна дошла до станции, купила билет и начала медленно подниматься по ступеням. Те были разбитыми, железки на них оголились. Каждый шаг давался труднее предыдущего. Пот струился по спине, в ушах громыхал пульс. Кто-то толкнул Ульяну в плечо, пробегая мимо, и она споткнулась. Кирпичная крошка больно впилась в ладони. Уля долго не могла встать, все дула на рассеченную кожу, очищая ссадины от грязи. Ранки нужно было промыть, чтобы ко всем проблемам не добавилось заражения. Но Уля продолжала сидеть на лестнице и смотреть, как набухают кровью ссадины.

– Вам помочь? – раздался озабоченный голос.

Через силу Уля подняла голову. Парень в кожаной куртке протягивал ей руку.

– Поранились? – спросил он снова.

В светлых, почти прозрачных глазах читалось сочувствие.

– Я сам постоянно тут падаю, давно пора пожаловаться куда-нибудь, чтобы лестницу починили. – Он схватил Улю за руки чуть выше разбитых ладоней и помог подняться. – С вами все хорошо?

Но Ульяна не слушала, она смотрела в глубину его зрачков. Полыни не было. Голову не вело. Желудок не стискивало когтистой лапой. Парень достал из рюкзака упаковку бумажных платков и протянул Уле.

– Вот, возьмите, – сказал он. – Кровь хоть остановите, но дома лучше обработать. – И улыбнулся. Между передних зубов у него была щербинка. – Меня Антон зовут.

Так легко было сейчас улыбнуться ему в ответ, назвать свое имя, предложить пойти куда-нибудь. Просто поболтать с кем-то таким – простым и понятным. Тем, кто остановится посреди суматошного дня и протянет руку. Не было никакой полыни. Уля ждала знака – чем это не знак?

Только кто мог дать ей слово, что полынь не вернется, когда они уже сядут за столик и разольют по кружкам чай? Или потом, когда будут болтать о чем-нибудь отвлеченном? А если у них, ну вдруг, что-то сладится, и на втором свидании этот милый Антон попробует поцеловать ее, а она разглядит в его взгляде смерть, какую-нибудь особенно страшную и кровавую. Что будет тогда? Снова взбираться на мост? Зачем, если она уже здесь?

– Спасибо. Со мной все в порядке, – холодно ответила

Уля. – Правда, спасибо. Мне пора.

Она отряхнулась и побежала вверх по лестнице, оставляя разочарованного Антона за спиной. Добралась до последней ступени и только потом разрешила себе выдохнуть. Руки саднило. Оставалось дожидаться прибытия поезда и шагнуть вниз.

По перрону сновали люди. Кто-то пытался проскочить без билета, кто-то пробовал перепрыгнуть через забор. Ветер принес с собой далекий гудок. Электричка была рядом.

Уля перегнулась через перила. Пустота, разделяющая мост и землю, казалась бесконечной. Успеет ли она понять, что умирает? Будет ли больно? А страшно? Страшнее, чем сейчас? Может ли вообще быть страшнее, чем сейчас?

– Ты не сделаешь этого. – Кто-то подошел к ней и встал позади, Уля чувствовала чужое дыхание. – Ты не прыгнешь. Я знаю.

Она обернулась. Рядом стоял бездомный из утренней электрички – грязные обноски пуховика цвета хаки, старая шапка, перчатки с оголенными пальцами.

– Я видел твою смерть, – сказал он, и желудок Ули свело судорогой.

– Что? – переспросила она, чувствуя, что вот-вот упадет.

– Я видел твою смерть, – уверенно повторил мужчина. – Рассказать, где ты сдохнешь?

– Кто вы? – Губы не слушались, язык стал большим и неповоротливым, а бездомный все стоял напротив и скалил-

ся гнилыми деснами.

– Я – Гус, – сказал он, насмешливо кланяясь. – А ты, как я погляжу, совсем в беде? Ай-ай-ай... – Глаза болотного цвета смотрели цепко и ясно. – Ты так устала от чужой смерти, да? Так устала, бедняжка... До смерти устала! – И зашелся злым каркающим смехом.

Уля с трудом оторвалась от перил и попыталась обогнуть его, но он схватил ее за локоть.

– Куда тебе бежать? От меня не убежишь. Только если за стену... – прохрипел он, притягивая Улю к себе.

Она ожидала, что ее накроет вонью немытого тела и прокисшего пива. Но бездомный пах совсем иначе. Знакомая горечь ударила Уле в лицо, словно она навзничь упала в заросли цветущей полыни.

– Но и за стеной я тебя достану, – закончил он и больно сжал ее локоть.

Опуская взгляд, Уля знала, что увидит. Знакомые пальцы с воспаленными суставами крепкой хваткой стиснули рукав ее куртки. Длинные ногти скреблись о ткань, а под ними толстой полосой темнела землистая грязь.

Четыре хабаровска

Уля сама не поняла, как оказалась в пропахшей кислым пивом забегаловке. Кажется, Гус уверенно потащил ее вниз по лестнице, а она пошла за ним – мимо пригородных касс и контролеров – через двери, наружу. Город пыхтел дымом выхлопных труб, вертелся и спешил. А Уля покорно семенила за Гусом и не могла отвести глаз от его грязных пальцев, которые продолжали стискивать ее рукав.

– Сейчас придем, цыпочка, уже недолго, – бурчал Гус.

Теперь от него пахло так же отвратительно, как он выглядел. Старик пьяно покачивался и потирал давно не мытую шею – словом, был неотличим от других таких же бездомных. Уле уже казалось, что она ошиблась. Это воспаленный рассудок сыграл с ней – страх встретить полынь помутил его, потому и почудилось, что старик... Что ей показалось, она так и не сумела понять. Мало ли в мире длинных мужских пальцев с жирной грязью под ногтями?

Гус словно услышал ее лихорадочные мысли и остановился.

– Дома все равно никто не ждет, – сказал он. – А идти тебе некуда. – И шагнул вперед.

Они уже подошли к низкой пристройке с вывеской «Чебуречная». Обычно Уля пробегала мимо таких, сжав кулаки в карманах. Но Гус уверенно тащил ее внутрь, и она просто

не могла сопротивляться.

На деле все оказалось именно так, как представляла себе Уля. Небольшой прилавок со сваленными в кучу заветренными пирожками, под низким потолком раскачивалась голая лампочка, а у стены ютилась пара липких пластмассовых столиков. Гус подошел к одному из них, облокотился на пластик и уставился на Улю. Как бы она ни отворачивалась, болотные глаза старика все равно оказывались прямо напротив. Из-под кустистых бровей они глядели на нее со злой насмешкой. Уля тяжело сглотнула и опустила взгляд в пол. На истоптанном кафеле сложно было разобрать орнамент.

– Не бойся, лапочка, – протянул старик. – Мою смерть тебе не увидеть. Не по твою она честь. Ну-ка, купи бабушке горло промочить.

– У меня нет денег, – угрюмо проговорила Уля, продолжая рассматривать грязные разводы под своими ботинками.

– Врешь. – Гус проворно залез во внутренний карман, покопался там и вытащил потертый столик, тот самый, что Уля сунула ему в утренней электричке. – Смотри, что у нас есть. На пиво хватит, птенчик. Иди, не томи душу.

За прилавком стояла унылая женщина в переднике. Она подняла на Ульяну рыбий взгляд.

– Что? – спросила продавщица, язык проскакивал в прореху на месте двух ее передних зубов.

– Бутылку пива, – выдавила Уля.

Женщина медленно вышла из-за прилавка, открыла писк-

нувший холодильник, позвенела там и достала влажную, с отошедшей этикеткой бутылку. Так же через силу вернулась обратно. Уля протянула руку, но продавщица зыркнула на нее, заставляя податься назад. Из шкафчика она достала высокий пивной стакан, обтерла его салфеткой, одним движением открыла бутылку, осторожно вылила пенящееся содержимое и подвинула к Уле. Пришлось возвращаться к столу с липким подносом в руках. Старик с наслаждением наблюдал.

– Сервис, – хмыкнул он, поднимая бокал. – Твое здоровье. – И наконец сделал глоток.

Уля не знала, куда себя девать. Вокруг сменялись кадры идиотского фильма – эта безжизненная продавщица, пустой зал и бездомный, пьющий пиво из высокого бокала. Но уйти бы Уля не смогла. Кроме попадающих в точку слов, что-то в бездомном заставляло ее смирно стоять, пока пивная пена растекалась на стариковских усах.

– Ну, рассказывай, – сказал он, когда бокал опустел.

В горле защекотало. И Уле тут же захотелось вывалить на старика всю грязь, страх и смерть, которые так долго собирались в ней. Она поморщилась и дернула подбородком.

– Мне пора, извините.

– Куда же тебе пора, киска? – Старик посмотрел на нее с интересом и неожиданной заботой. – Расскажи лучше, как ты справляешься?

В гортани запершило, как от ангины, когда воспаление

медленно сжимает горло, мешая сглатывать и дышать. Уля сделала пару неуверенных шагов к выходу.

– Да перестань. – Гус за ее спиной завозился, стягивая куртку. – Я же вижу, как тебе хочется рассказать, ну-ка, давай.

Уля схватилась за липкую ручку двери, когда ее догнала тошнота, словно чья-то злая воля сжала в кулаке все внутренности. Желчь во рту мешалась с травяной горечью. Свитер промок от холодного пота, боль нарастала, ноги обмякли.

– Просто дай словам прозвучать, – прошептал ей в самое ухо Гус.

Он подхватил Улю за локоть и повел к столику.

– Говори.

И Ульяна сдалась. Навалилась на заляпанный пластик, зажмурилась и произнесла:

– Я устала. – Тошнота тут же отпустила, боль отхлынула. – Я замерзла, мне нечего есть, у меня нет денег. – Ее прорвало, она принялась несвязно бормотать, не заботясь, разберет ли старик. – Я всех потеряла, мне даже некому позвонить... Это слишком сложно. Я просто не могу так дальше.

Слезы текли по щекам, Уля смахивала их ладонью.

– Мне постоянно страшно. А самое паршивое, что я боюсь саму себя. И от этого не спрятаться. Я, наверное, схожу с ума. Я... – Она сбилась, но горло тут же скрутило болезненной судорогой. – Я вижу чужую смерть...

Повисла тишина, только за прилавком тихо звенела ста-

канами беззубая продавщица. Уля подняла глаза и увидела, как бесстрастно слушает ее Гус.

– И ты хочешь, чтобы это все закончилось?

– Да.

– Хочешь прыгнуть с моста или еще чего, так? А дальше что?

Уля судорожно сглотнула. Сидевший напротив больше не казался ей грязным пьяницей. В том, как он держал плечи, как смотрел на нее, а главное, как говорил – властно и ровно, сквозила неожиданная сила.

– Ничего.

– Уверена? – В глазах тускло блеснула сталь. – А если там геенна огненная? Или котел с чертями? Или, может быть, новый круг, как думаешь? Обратишься камнем. – Гус чуть наклонил голову и вдруг подмигнул ей. – Серым камнем на чужой могиле. Это будет лучше, чем сейчас?

Уля помолчала.

– Я знаю, что самоубийство – грех... – начала она, но старик разразился хохотом.

Даже рыбоподобная продавщица при виде такого веселья отставила в сторону бокал и нерешительно улыбнулась.

– Грех, девочка, всего лишь способ развлечься. А убить себя самому – это глупость, слабость и дурная идея, как провести вечер. – Он постучал пальцем по краю бокала, и женщина ринулась к холодильнику.

Уля с трудом оторвала взгляд от толстой полоски грязи

под длинным желтоватым ногтем. Гус шутовски погрозил им, а продавщица тем временем уже несла еще одну темную бутылку.

– Какие еще у тебя есть варианты, голубушка? – Старик откровенно издевался.

– Значит, я пойду к врачу.

– И он засадит тебя в психушку.

– Выходит, что так. – Уля почувствовала, как раздражение поднимается в ней, сменяя тошноту. – Но что за хрень тут происходит, я понять не могу.

– Я пью, а ты рассказываешь. Все просто. Так что будет дальше? Ты всегда забываешь о завтрашнем дне.

– Я не знаю, что будет дальше. Я вообще ничего не знаю. – Уля оттолкнулась от столика и натянула на голову капюшон.

– Мы не закончили. Хочешь, расскажу, что будет дальше? Тебя запрут среди настоящих сумасшедших. О, ты не знаешь, что такое безумие. В нем столько смертей! Собственных, чужих, придуманных. – Гус допил пиво, облизнул губы. – Мягкие стены, лабиринты бесконечных снов, ты даже голову себе разбить не сумеешь. Лекарства превратят тебя в растение, ты будешь пускать слюну и ходить под себя. Таким станет твое тело, а вот душа... Душа останется один на один с полынью. Изо дня в день, из раза в раз. По кругу. И некуда бежать, если кругом стены. Серые каменные стены. – Старик с наслаждением наблюдал, как с каждым новым словом все сильнее искажается лицо Ули.

– И что же мне делать? – чуть слышно выдохнула она. – Мне не на что жить, меня уволили с работы. Мне нужно платить за комнату, я просто не знаю...

– Расскажешь бездомному, что тебе негде жить? – Гус развел руками, предлагая Уле оглядеть его повнимательнее, но даже в своем затасканном тряпье он уже не казался пьяным бродягой и сам это прекрасно понимал. – Приходи на вокзал, ягодка. Я поделюсь своей коробкой из-под холодильника.

Он скользнул ладонью во внутренний карман и достал оттуда пухлый бумажный сверток. Ульяна наблюдала за его медленными движениями: вот грязные пальцы снимают с пачки хрустящих банкнот резиночку, вот Гус слюнявит указательный и отсчитывает красновато-рыжие купюры.

– Раз, два, три, четыре... Хватит на первое время?

Во рту пересохло. Уля смотрела на протянутые ей двадцать тысяч, и голову пьяно вело. Только протяни руку – и неподъемный груз насущных проблем отодвинется, даст вдохнуть. Но разве бывает так в жизни? Засаленная чебуречная, сумасшедший старик, говорящий то, что ей хотелось услышать, видящий ее насквозь. Так еще и четыре новенькие бумажки с изображением Хабаровска... Ульяна глубоко вздохнула и помотала головой.

– Я не возьму.

– Молодец! Кто берет деньги у незнакомца с улицы? Хорошая девочка. Ну, иди тогда... – Потеряв к ней всякий интерес, Гус принялся комкать купюры и засовывать их в кар-

ман.

Как загипнотизированная, Уля смотрела на его равнодушное копошение.

– Что я... что я должна сделать, чтобы вы мне их дали?

– И снова в точку! Пока ничего – просто возьми деньги, купи поесть, тряпок каких-нибудь. – Он оценивающе посмотрел на потертую куртку Ули. – И топай домой. А там тебе расскажут, чем старик Гус может тебе помочь. Не согласишься? Ну так и ничего. Живи как хочешь. Твое право. И денежку назад не попрошу, считай ее подарком.

– Кто расскажет? – Язык с трудом ворочался, беспросветная муть заполняла голову, не давая сосредоточиться.

– Поживешь – узнаешь, детка. – Старик вдруг засобирился, подхватил мятую шапку, натянул ее на голову, подмигнув замершей у прилавка женщине и аккуратно положил перед Улей купюры. – Засиделся я с тобой.

Когда за его спиной захлопнулась дверь, Уля одним рывком дрожащей руки схватила деньги, оттолкнулась от столика и рванула к выходу.

– Не начинай игру, – нагнал ее у порога чуть слышный голос.

Спиной Уля почувствовала, как смотрят на нее рыбы глаза продавщицы. Медленно обернулась. Крик застрял в горле. За прилавком стоял манекен без черт, движений и дыхания. По старому пластику раскинулись сколы, разломы и трещины. Суставчатые руки, выглядывающие из засаленного хала-

та, безжизненно лежали на поверхности стола – Уля не была уверена, что они прикреплены к туловищу. И только глаза существа напряженно смотрели на Улю.

– Он никогда не проигрывает. – Скрипучий шепот раздавался из глубины застывшего тела; тонкие, плохо прорисованные губы не шевелились на равнодушном пластмассовом лице.

Уля попятилась, открыла спиной дверь и вывалилась наружу. Вокзальная площадь пахла подгорелым мясом из ларьков и неслась вперед, переговариваясь и галдя. Двери чебу-речной со стуком закрылись, но Уля этого уже не видела. Она бежала к станции, сжимая в кулаке заветные деньги, сама не зная, что будет с ними делать.

* * *

– Мне, пожалуйста, пиццу. Самую большую. С пеперони, – выпалила Уля, рассматривая пестрое меню.

Войти сюда, в жаркий закуток, насквозь пропахший жирными колбасками и острыми перчиками, было сложно. Чертовски сложно. Уле казалось, что стоит взобраться по ступенькам высокого крыльца, и она снова окажется в темной забегаловке с безжизненным манекеном у стойки. Но голод был сильнее страха. Поэтому Уля решительно шагнула за порог самой невзрачной кафешки и схватила меню.

– Двойную порцию сыра? – Заказ принимал смуглый па-

ренок с пухлыми ладошками.

– Да.

– Может быть, чесночного хлеба? – Рот тут же заполнила слюна.

– Да, пожалуйста.

– Бекон? Наггетсы?

– Да. – Сердце бухало под курткой.

– Да – бекон? Или да – наггетсы?

– И то и другое... – Уля представила, как выглядит со стороны: бешеные глаза, растрепанные волосы, красные пятна на щеках и шее. – Пожалуйста. С собой.

– Одна тысяча триста двадцать рублей. Наличными?

Уля кивнула и наконец разжала кулак. Пальцы побелели, четыре красных бумажки в них чуть размокли и помялись. Осторожно, будто держа за крылья бабочку, она передала одну из них кассиру. Тот удивленно поднял темную бровь. Потом взял купюру и засунул ее в аппарат у кассы. Раздался писк.

«Деньги окажутся поддельными, – с неожиданным спокойствием поняла Уля. – Вызовут полицию, меня заберут в отделение и посадят. Потому что никто в здравом уме не поверит в историю про бомжа, который дал мне двадцать тысяч».

Но парень уже открыл кассу, достал сдачу и протянул Уле.
– Возьмите. Заказ будет готов минут через десять.

Когда в ее руки легла теплая картонная коробочка, Уля со-

всем взмокла от переживаний. Но в кафе все занимались своими делами, не обращая внимания, как она сидит не шевелясь и разглядывает собственные руки, сложенные на століке в замок.

По дороге к дому Уля успела вонзить зубы в мягкий сдобный бочок чесночного хлеба. Мир сразу перестал быть серым пятном. Сытный аромат щекотал ноздри, прогоняя память о травяной горечи. И даже образ бездомного Гуса чуть померк. Обо всем этом можно подумать потом, когда последний кусок теста с сыром исчезнет, а ноги наконец согреются.

Уля проскользнула вверх по лестнице, с первого раза нашла ключи, легко открыла дверь – сейчас ей все давалось куда проще, чем обычно, – и вошла в коридор. Его почти полностью занимала широкая спина Оксаны. Согнувшись, та протирала пол, тщательно следя, чтобы весь мусор, собранный по углам, исчезал под Улиной дверью.

Еще вчера Уля потупила бы взгляд и ушла к себе, стараясь не оставлять грязных разводов. Но горячая пицца придавала уверенности.

– Мне нужно пройти, – решительно выпалила Уля, отгаликивая соседку.

– Куда? Нечего тут свинарник устраивать, иди погуляй, пока просохнет! – С грязной тряпки капала вода.

– Это коридор, по нему ходят. – Уле даже хотелось сейчас почуять, как все вокруг медленно наполняется полынью. – И

не надо весь мусор под мою дверь загонять, понятно?

Не дожидаясь брани, хлынувшей в спину секунду спустя, Уля прошла по мокрому полу в сторону кухни и со всей силы захлопнула дверь, опуская крючок замка. Пухлые кулаки Оксаны принялись долбить в стену, но Уле было все равно. Она с удовольствием уселась на стул, поставила чайник, открыла крышку коробки и вонзилась зубами в первый кусок. Жевать сил не было. Уля отрывала куски пряного теста и проглатывала их, как голодная собака. Она и была ею. Побитым псом, которому вдруг перепало сытной еды от собачьего бога.

В дверь постучали. Ульяна дернулась. Она сразу поняла, что на пороге стоит не взбешенная Оксана. Кто-то другой, спокойный и знающий свою силу, хотел войти, и не было права его не впускать.

«Топай домой. Там тебе расскажут, чем старик Гус может помочь», – всплыл в памяти хриплый голос. Уля тяжело сглотнула кусок пиццы и открыла дверь.

На пороге застыл новый сосед.

– Обедаешь? – Он говорил, а нижняя губа кривилась, оставаясь неподвижной правым краем. – Тогда я попозже.

– Нет, подожди, я сейчас заварю чай и уйду к себе. – Уля засуетилась, укладывая еду в коробку, достала чашку, бросила в нее пакетик и отвернулась к плите, стараясь не смотреть на вошедшего. Как там его? Рэм, кажется.

– Нам нужно поговорить. – Он стоял так близко, что Уля

чувствовала его дыхание – свежее и чуть горькое. Как польнь.

Стало нечем дышать. Уля судорожно вдохнула ртом и закашлялась. Из глаз брызнули слезы. Тяжелый шлепок между лопаток заставил ее отскочить к окну. Но кашель прекратился.

Рэм стоял напротив. Рукав куртки сбился, оголяя запястье, – вокруг него вилась татуировка из переплетенных друг с другом листиков и веточек. Почувствовав испуганный взгляд, парень нервно поправил рукав и засунул руки в карманы джинсов.

– Ты в порядке?

– Да, прости...

– Тебе не за что извиняться. И бояться меня тоже не стоит. – Он смотрел на нее исподлобья, подаваясь вперед. – Нам нужно поговорить.

– Ты кто вообще? – Горло, сорванное внезапным кашлем, саднило.

– Мы уже знакомы. Роман. Но лучше Рэм.

– Это я знаю, но... кто ты?

– Я от Гуса, мне было велено рассказать тебе обо всем.

Уля слабо кивнула.

– Ты потому и въехал сюда, так? – спросила она ради того, чтобы не молчать.

– Да. – Рэм пожал плечами. – Так будет удобнее. Нам всем.

– Как ты вообще узнал, что я встречаюсь с Гусом?

Губы скривились в ехидную усмешку.

– Гус – хозяин квартиры.

Уля прижалась затылком к влажному стеклу и прикрыла глаза. Это жилье само ее отыскало. Маленькие ручки мальчишки-раздавалы у метро всучили ей объявление. Небольшая комната, подъемная цена, минимальный залог – все, что подошло ей, как по заказу.

– О господи... – Она с силой оторвала руки от подоконника – к коже прилипли ошметки белой краски – и тяжело опустилась на табурет.

Рэм отодвинулся к стене, давая ей время передохнуть.

– Я точно не поехала крышей? – жалобно спросила Уля, но парень болезненно поморщился.

– Послушай, я здесь не для того, чтобы ты причитала, а я сочувствовал. Мне велено ввести тебя в курс дела. Ты можешь меня выслушать? Или лучше прийти позже? – Он говорил медленно, чуть растягивая слова, словно с больным ребенком.

– Да, я слушаю. – Уля представила, как будет сидеть в своей комнатушке, ожидая объяснений, и поняла, что выдержать это ей не по силам. – Просто это все... – Ее замутило. – О боже...

– Первое правило. – Рэм выдвинул стул на середину кухни и сел напротив Ульяны. – Не вспоминай Бога при Гусе. Он взбесится. И при мне тоже не стоит. Бог тут совсем ни при чем, в какого бы из них ты ни верила.

Он помолчал, потер переносицу и продолжил:

– Второе – сейчас ты еще можешь отказаться.

Его напряженный взгляд и побелевшие костяшки пальцев заставили Улю вжать голову в плечи.

– Я уже взяла деньги. – Оставшиеся купюры и горстка сдачи жгли карман.

– Деньги – ерунда. – Рэм презрительно скривился. – Пока ты не согласилась на игру, пока тебе не поставили метку... Ты ничем не обязана Гусу.

Осенний свет еще лился из окна на пол кухоньки. Потертый линолеум с протоптанной от холодильника к плите дорожкой, шкафчики и столики, втиснутая между ними стиральная машина, банки с крупой и макаронами, заветренная головка лука. Привычная картинка не билась с услышанным. Что за игра? Что за метка? Догадка мелькнула в Улиной голове, расставляя все по местам.

– Это реалити-шоу, да? Скрытые камеры, ведущий за дверью, все транслируется в Сеть?

– Не мельтеши и слушай. – Теперь Рэм не скрывал раздражения. – Ты же меченая, так?

– Что, прости?

– Меченая. – Он тяжело вздохнул. – Полынью.

Слова ударили Ульяну наотмашь.

– Черт, Ульяна, соберись! – Рэм схватил ее за локоть и легонько встряхнул. – Ты же видишь чужую смерть, я прав?

– Да. – Сердце пропустило удар.

– И чуешь запах горькой травы?

– Полыни. – Еще один пропуск такта, и тело ухнуло вниз.

– Значит, ты – меченая.

– О боже... Прости. – Уля зажмурилась. – Выходит, ты мне веришь? Я не свихнулась?

– Может, и свихнулась, мне-то откуда знать. – Рэм опять дернул плечом. – Но я тебе верю. Я тоже меченый. В некотором роде.

Уля распахнула глаза. Три года она мечтала услышать от кого-нибудь эти слова. Подтверждение, что мир и правда не таков, каким он кажется остальным. Что смерть выглядывает из глаз прохожих, нужно лишь знать, как ее рассмотреть. Что весь этот груз можно разделить хотя бы надвое.

Ульяна бы заплакала, но Рэм наблюдал за ней с плохо скрываемым презрением. И она осталась на месте, только обняла себя за плечи.

– Я очень... рада. Казалось, что я одна такая. Сошедшая с ума, наверное. Мне о стольком надо тебя расспросить...

– Нет. – Рэм снова потер переносицу и отвел взгляд.

– Что – нет?

– Нет, не одна. Нет, не надо. Я сам расскажу все, что ты должна знать.

Он явно хотел поскорее закончить разговор и уйти. Уля выпрямилась.

– Так на чем я остановился?

– На том, что я меченая. И не сумасшедшая. Наверное.

– Да... И Гус предлагает тебе сделку. Игру. Обмен. Называй как хочешь.

– Я ничего не понимаю. – Уля запустила пальцы в волосы на макушке. – Прости, я не хочу тебя задерживать, но это все кажется розыгрышем...

– У тебя есть еще варианты? Кроме Гуса.

– А сам он кто?

Оттаявший было на мгновение Рэм дернулся, как от удара.

– Это неважно сейчас. Он тот, кто может исполнить любое твоё желание. Если ты выиграешь, конечно.

Рэм сказал это так, что Уля поверила каждому слову. И перед глазами сразу появился Никитка. В цветастой футболке и полосатой кепочке. Он смотрел на сестру, готовый рассмеяться, полный своей ребячьей силы. Живой.

– Любое? – хрипло спросила Уля.

– Ну почти, никаких восставших мертвецов. Это было бы неуместно. – Рэм сдавленно хмыкнул.

Никитка померк. Чудес не бывает. Конечно, никто не вернет ей брата. Но было много другого – материального, важного, – что она могла бы попросить. Деньги, работа, квартира. Прощение мамы.

– И что я должна сделать?

Рэм уже открыл рот, чтобы ответить, но в дверь решительно постучали. Так отрывисто и нервно могла стучать только Наталья. Но голос раздался Оксаны:

– Открывайте! Это общая кухня! Я буду жаловаться! – И чуть тише добавила: – Развратничают, небось. – Не будь рядом соседки, она выразилась бы куда крепче.

– Пойдем к тебе. – Рэм встал, дожидаясь, пока Уля подхватит остывшую коробку с пищей.

Он пропустил ее вперед, так что Уля сама открыла дверь и шагнула за порог мимо окаменевших соседок. Только запираясь, Ульяна поняла, что три скомканные бумажки с Хабаровском торчат из кармана неаккуратным комком, и глупо хмыкнула. Пусть эти клуши думают что хотят. Правда никогда не придет в их головы. Куда проще решить, что новый сосед заплатил ей за компанию, чем поверить в происходящее на самом деле.

Рэм остался стоять у входа, прислонившись к стене.

– Так что я должна буду Гусу за исполнение желания? – Отчего-то Уле стало смешно и неожиданно легко на сердце, как если бы все это и правда была игра.

– Три подарочка, – в тон ей ответил Рэм.

Мушинные лапки

– Три подарочка, – повторила Ульяна, сдерживая нервный смех. – Как в сказках?

– Что-то вроде этого. – Рэм взлохматил волосы и огляделся. – Здесь мрачно.

Маленький коридорчик, ведущий в комнату, и правда навел тоску. К стенам не хотелось прикасаться, обои были засаленными и склизкими на ощупь. Улина куртка висела на единственном крючке под самым потолком. Сваленная обувь, пухлый пакет для пакетов в углу и затоптанный палас.

– Проходи, – буркнула Уля и первой шагнула в комнату, радуясь, что застелила диван.

Она положила коробку с пиццей на столик, подняла было крышку, но передумала. Есть уже не хотелось, да и внезапная веселость пропала так же быстро, как появилась. Рэм отошел к окну, оперся кулаками на подоконник и остался стоять, рассматривая что-то в ранних сумерках. Он сгорбился, став меньше, мрачнее и отчего-то печальнее. Большая темная куртка делала его похожим на подростка, стащившего одежду у старшего брата.

– И что за подарочки это должны быть? Как видишь, у меня нет ничего ценного...

– Гусу плевать на... – Рэм помолчал, подбирая слова. – Привычные для тебя вещи. Деньги, драгоценности, недви-

жимость... Все это мелочи.

– И поэтому он спит на вокзале? – Уля попыталась улыбнуться, но Рэм вздрогнул и вжал голову в плечи.

– Я бы не советовал тебе говорить подобное. – Он продолжал смотреть в запотевшее от дыхания окно. – Или обсуждать это... с кем-либо.

– Думаешь, мне поверят, если я расскажу о бездомном, который дал мне двадцать тысяч и прислал тебя поговорить о подарочках?

Рэм хмыкнул.

– Не поверят. В том-то и дело, что не поверят. Ладно, неважно. Мне нужно объяснить правила, если тебе еще интересно.

– Но я могу отказаться, так ведь?

– Да, у тебя есть время до завтра, чтобы... Чтобы сделать правильный выбор. – Он кашлянул, прочищая горло. – Ты знаешь разницу между «умер» и «погиб»?

– Что, прости? – Сонная муха кружилась у потолка, приглядываясь к открытой коробке пиццы, и Уля следила за ней, не в силах отвести взгляд от маленького тельца, потирающего лапки.

– «Умер» и «погиб». Ты знаешь разницу?

Рэм отвернулся от окна и присел на подоконник, скрестив руки на груди, – мелькнула травяная вязь татуировки, окольцевавшей запястье.

– По сути, это одно и то же, – нерешительно проговорила

Уля.

– Нет, это кажется похожим, но суть совершенно разная. Умирают в постели от старости и болезни. Ты часто видишь такую смерть?

То, как легко и просто Рэм говорил о полыни, наводило жуть.

– Бывает, – прошептала Уля. – Но реже, чем... – И замолчала, не в силах подобрать слова.

– Реже, чем иную смерть, да? – Рэм поджал губы. – Убийства, кровь, ужас, последний хрип... Об ушедших таким образом не говорят «умер». Если жизнь отобрали, то человек гибнет. «Погиб» – совсем другое слово, совсем иная смерть.

Уля тяжело сглотнула. В ушах раздался оглушительный визг тормозов и глухой удар тела об асфальт. Уля впиалась пальцами в рыхлую обивку дивана и заставила себя дышать медленно и глубоко; кроме этого дыхания, в мире не было больше ничего. Ни смерти, ни боли, ни одиночества. Только сиплый вдох через зубы, наполняющий легкие, и медленный выдох, отпускающий прочь все лишнее.

– Ты меня слышишь? – Рэм оказался совсем близко.

– Да. Чаще всего я вижу тех, кто погибнет.

– Да, и очень скоро. Скорее, чем смерть от рака или старости. Горе и боль – ярче, чем просто старость. Его-то и показывает тебе полынь.

Теперь Уле казалось, что она и сама это знала. Просто не хотела задумываться, страшась, что мысли принесут ей но-

вую боль. Она вообще старалась делать вид, что полыни нет на самом деле, пока та не вступала в свои права. Слова Рэма пролили первый свет, и это оказалось больно, но куда меньше, чем Уля ожидала.

– Таких много? – выговорила Ульяна.

– Кого?

– Таких, как я... и ты. Таких много?

– Меченых? – Он задумался. – Больше, чем хотелось бы.

– И я могу с ними познакомиться?

– Если ты думаешь, что у нас есть профсоюз или группа в контакте, то прости, я тебя огорчу. – Рэм скривил губы.

– Я не об этом... Просто мне казалось, что я одна. А выходит, есть целая... система. Я не знаю. Это неожиданно. Мне бы хотелось узнать больше.

– Я рассказал все, что тебе нужно сейчас. – Глаза потемнели, он злился. – И не моя забота просвещать тебя дальше.

– А чья? – В Уле снова всколыхнулось раздражение. – Ты приходишь ко мне, говоришь о какой-то игре, о всеильном Гусе, подарках... А о главном не хочешь?

Она вскочила на ноги, шагнула к окну. Они с Рэмом оказались одного роста, его шея нелепо выглядывала из ворота куртки, и весь он был похож на молодую птицу, только вставшую на крыло.

– Почему это произошло со мной? Могу ли я предотвратить то, что видела? А полынь? Откуда она? Ей же не просто пахнет, она воздухом становится...

– Замолчи! – Рэм сцепил челюсти, на скулах проступили желваки. – Я тебе не нянька и не учитель. Я не буду ничего объяснять. И мне плевать на твои вопросы. И на тебя мне тоже плевать. Я пришел исполнить поручение. Если не хочешь – не слушай.

Они постояли так, кипя злостью. Первой сдалась Уля – отошла и тяжело рухнула на диван.

– Хорошо. Говори, что считаешь нужным.

Рэм навис над ней, но потом присел на краешек подушки и шумно выдохнул.

– Ты видишь гибель. И каждая связана с предметом. Вспомни. Мелочь, которую сразу отмечает взгляд. Она есть в реальности, есть и в видениях. Глаз натывается на нее, она притягивает, ты не можешь на нее не смотреть...

Рэм все говорил и говорил, но Уля замечала только, как он открывает рот. Слова оставались за кадром. А в кадре – красная сандалия принявшего страшную гибель Никиты. И зеленая варежка девицы из электрички. А если подумать, то каждая смерть несла в себе безделицу, о которой не выходило забыть. Но и думать о ней не хотелось. Вот Уля и не думала. А теперь пришлось.

– Я понимаю, о чем ты, – хрипло сказала она. – Продолжай.

Рэм удивленно на нее покосился.

– Вот видишь, что-то ты знаешь сама. Эти вещи... Они впитывают силу насильственной смерти, несут ее отзвуки и

запахи. Словом, печать дурной гибели. Понимаешь?

Уля кивнула. Мир кружился вокруг нее. Предметы двоились, расплывались, таяли. Ее мутило. А Рэм продолжал говорить, не замечая, как заливает ее лицо безжизненная бледность.

– Гусу нужны такие вещицы.

– Так пусть возьмет их. Это же проще простого. Про них никто и не вспоминает... Не до этого, знаешь ли... – равнодушно проговорила Уля.

– Ты не поняла. Предметы нужно забрать сразу изнутри и снаружи... Из видения, образа – называй как хочешь. Выкрасть из полыни. Объединить с тем, что осталось в вещном мире.

– И это возможно?

– Возможно практически всё. Вопрос в том, хватит ли тебе сил, умения и жизни. – Рэм замолчал, думая о своем. – Короче, Гусу нужны три вещицы.

– Зачем?

– Не задавай таких вопросов, когда говоришь с ним. Или о нем. Принимай как данность. Поняла? – И, дождавшись кивка, продолжил: – Если ты согласишься на игру, у тебя будет месяц, чтобы собрать три вещи, связанные со смертью. Принесешь их Гусу, и он исполнит твое желание.

– Любое, кроме воскрешения?

– Любое, кроме воскрешения.

Уля откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. В дис-

неевском «Алладине», который она любила пересматривать с мамой, обаятельный джинн, вылезший из лампы, обещал оборванцу с улицы исполнить его желания. Все, кроме воскрешения и убийств. Кажется, иметь дело с любовью он тоже отказывался. Уля слабо улыбнулась.

– А что, если я не успею?

Она так и сидела, закрыв глаза, сохраняя в памяти образ теплого вечера у телевизора в старой квартирке, похожей на эту. С одним отличием – тогда рядом была мама, готовая спасти ее от всех бед. И приготовить пирог с яблоками.

– Если ты не справишься... – Рэм на секунду сбился. – Гус возьмет тебя во служение.

– Это как?

– Будешь работать на него. Он сам объяснит, что нужно делать... Если ты проиграешь, конечно.

– Я могу отказаться?

– Прямо сейчас. Или завтра с утра. Гус тебя больше не тронет. – Рэм поднялся на ноги, диван жалобно скрипнул. – Я пойду.

– Да, конечно. – Уля тоже вскочила, чуть пошатнулась, но Рэм не подал ей руки, так и остался стоять, смотря тяжело, не моргая.

Он словно хотел что-то сказать, подбирая слова, но все никак не решался. Эта борьба читалась на его лице.

– Подумай хорошенько, – наконец проговорил он и скрылся за дверью.

Уля растерянно огляделась. Пыльный воздух комнаты, в которую никто, кроме нее, не заходил, теперь мешался с незнакомыми запахами. Так пахло затаенное раздражение, принесенное Рэмом, его пропитанная сигаретным дымом куртка, взлохмаченные волосы, нервные руки с обкусанными ногтями на сильных пальцах.

Комната казалась чужой. Уля привыкла к одиночеству, тишине вечеров, кружке чая на столике, постоянному холоду и сырости. Этот неуютный мирок стал ее собственным, возведенным годами борьбы за жизнь. Да, она боялась. Постоянно, без перерывов и выходных. Но и страх тоже был ее.

И все это рухнуло за один вечер. Кто знает, может, оказаться сумасшедшей было бы лучше? Слабая надежда, что врачи сумеют помочь и полынь канет в небытие, ускользнула из пальцев. Невозможная правда колола в груди. Раздраженный голос Рэма звучал в ушах.

– Ты меченая, – говорил он, а по коже неслись мурашки. – Ты видишь кровавую смерть. Тебя выбрала полынь.

Бесило, что долгий разговор оставил слишком много вопросов. Чем была полынь и кто дал право ее слепой, бессмысленной силе ломать судьбу Ули? Кто этот Гус и почему лицо Рэма болезненно морщилось, стоило произнести это имя? И зачем пьянчуге с вокзала смертоносные подарочки, несущие на себе печать страшной, дурной гибели? Голова раскалывалась от невыносимых «почему». Уля со стоном повалилась на диван лицом вниз – от линялой обивки пахло

сыростью – и крепко зажмурилась.

Можно было прямо сейчас собрать вещи, чтобы утром выйти на улицу, глубоко вдохнуть влажный запах прелой листвы и уйти. Оставшиеся от Гуса деньги, полный расчет на работе – и она могла бы уехать из города, далеко-далеко, в страшную глушь, снять маленькую комнату, найти работу уборщицы и затаиться в норе, как мышь, испугавшаяся венника.

– А что дальше, деточка? – хриплый голос Гуса ударил в висок; Уля слабо застонала, переворачиваясь на спину. Теперь перед глазами был низкий потолок, весь в разводах и черной плесени по углам.

Гус был прав. Если она убежит, ей снова придется прятать глаза. Даже за один день среди тех, кто знает ее тайну, Уля успела передохнуть от привычки смотреть чуть выше собеседника. И теперь никакая глушь не принесла бы ей покоя. В тесной комнатенке где-нибудь под Тулой за ней пришло бы настоящее, глухое сумасшествие. От тоски и страха, одиночества, скуки и беспросветности она потеряла бы рассудок. И скорее наложила бы на себя руки, чем научилась жить заново, зная, что в мире были люди, способные объяснить, что происходит, но она сбежала.

– Гус – значит, Гус, – решила Уля, стискивая зубы.

Правила игры оставались непонятными. Что за ерунда этот поиск смертных вещиц? Вещиц, подобных красной Никиткиной сандалке.

Сердце больно дернулось, голова стала тяжелой, вот-вот согнет и переломит шею. Уля снова и снова прокручивала разговор в памяти, слова Рэма не складывались в единую картинку – слишком уж многое оставалось неизвестным.

Но вещицы Уля представляла себе ясно. Яркими мазками в мутном полынном дурмане они привлекали взгляд, к ним хотелось прикоснуться. Ни разу еще Уля не пробовала вмешаться в ход видения, шелохнуться, протянуть руку, но теперь ей казалось, что это возможно. Перебори она дурноту и страх, оглядись повнимательнее, задержи образ чужого несправедливого конца, и пелена дрогнула бы, делая увиденное реальным. А вместе с ним и заветную вещицу, которую можно забрать с собой, – теперь Уля была уверена, что это так.

Три видения смерти за месяц – не так уж много. Три вещицы, принесенные Гусу. Три подарочка. И она сумеет попросить его о чем-то важном. Таким, чтобы помогло выбраться из болота, в котором Уля завязла по самую макушку – не крикнуть, не вдохнуть.

Ульяна вытянулась в полный рост, мельком подумав, что снова сейчас уснет не раздеваясь. Ну и плевать. Она поерзала на подушках, устраиваясь удобнее, и натянула на ноги тонкое одеяло.

Притихшая было муха пронеслась мимо. Нужно было прихлопнуть ее бесплатной газетой, которая давно уже валялась на столике. Чем не вещица, помеченная полынью?

Мысль ужалила Улю, и она осталась лежать, наблюдая, как муха усаживается прямо на остывший кусок пиццы, подернутый пленкой холодного жира, и довольно потирает лапки.

Что можно попросить у Гуса? Первое пришедшее в голову отметалось как единственно невозможное. Если бы бездомный пообещал вернуть Никитку, Уля бы не раздумывала ни секунды. Но честность Рэма лишала выбор подобной легкости. Что еще?

Деньги. Разумеется, они были не просто нужны – необходимы. Они были всем, в чем Уля нуждалась. Едой, крышей над головой, возможностью купить хороший компьютер и работать за ним не выходя из дома.

Но просить денег, когда ей предлагают безграничные возможности исполнения мечтаний, было слишком просто. Даже целый чемодан рыжих купюр не исцелил бы Улю от одиночества.

Прощение мамы. Полное и окончательное прощение. Такое же, как и холодная ненависть сейчас, только с иным полюсом. Прощение как право вернуться домой, прижаться головой к родной груди и долго плакать, чувствуя, как нежно перебирает волосы ласковая, невесомая мамина рука. Неискреннее, наколдованное прощение. Конечно, на первое время хватит и его. А дальше? Этот вопрос сводил с ума. Как жить, зная, что простить и принять ее обратно маму заставил получивший три подарочка Гус? Уля потеряла ладонью глаза, но те были сухими. Слезы давно выплаканы. Осталась

только стальная тоска.

Квартира, домашний кинотеатр, яхта, вечный абонемент в Диснейленд и автомобиль? Последнее слово растянулось в голове Ули ликующим голосом добродушного усача из телевизора.

Стоят ли эти желания возможности проиграть? Что значит – попасть во служение Гусу? И будет ли хуже служить ему, знающему Улину тайну, чем приносить ненужные бумажки в кабинет Фомина?

И снова никаких ответов. Муха насмешливо поглядывала на Улю. Правая лапка потеряла темный бок и снова встретилась с левой. Сил прогнать ее не было. Засыпая, Уля почувствовала, как осторожно прикасаются к ней липкие мушинные лапки, и содрогнулась от отвращения.

Стена выросла перед глазами, бескрайняя и жуткая. Холодный пот выступил на лбу – Ульяна знала, что его не смахнуть. Чужие руки с грязными ногтями скоблили серые камни, ища лазейку. Теперь Уля знала, кому принадлежат эти длинные суставчатые пальцы, и от этого становилось еще страшнее.

Время замедлилось, Уля слушала тяжелое дыхание и медленные гулкие удары сердца. Это было не ее сердце. Сама она металась от ужаса, покрываясь холодным потом, а кто-то другой, в чьем теле Ульяна оказалась по воле тяжелого сна, оставался спокойным. Он методично шарил ладонями в поисках трещины.

Так уже было. Много ночей Уля провела здесь, вдыхая и выдыхая чужими легкими, видя стену не своими глазами. Ничего не менялось рядом с бесконечной стеной.

Уля чуть успокоилась. На самом деле сон мог оказаться скучной глупостью, которая принесет лишь мигрень поутру. Плохо веря в это, Ульяна продолжала твердить себе, что бояться нечего, пока незнакомец медленно продвигался вперед, скобля длинными ногтями по каменной кладке.

Минуты перетекали одна в другую, и мерность ударов сердца почти убаюкала Улю, когда руки вдруг замерли. Поиски завершились. Жадные пальцы впились в длинный зазор между двумя плитами.

Когти скребли камень, тело напряглось, а сердце забилося так же быстро, как ее собственное, выскакивающее из спящего где-то очень далеко тела. Уле хотелось кричать от ужаса, но из чужого рта доносилось лишь хриплое дыхание.

Когда верхняя плита дернулась и отошла в сторону, Уля поняла, что теряет сознание. Из щели, появившейся в стене, потек молочный плотный туман. И Уля знала, что несут на себе его белесые крылья.

Полынь – зримая, горькая, как тоска матери, потерявшей новорожденного младенца, отдающая липким страхом, последним стоном умирающего – наполняла собой туман. Все смерти, что только могли встретиться Уле на пути, ударили ей в лицо, заполняя целый мир нестерпимой горечью.

И тогда Уля закричала, зная, что рот незнакомца не из-

даст ни звука, продолжая хрипло втягивать в себя полынный туман. И этому не было конца, молоко лилось через щель в стене, как кровь из раны. Беззвучный крик сотрясал Улю, она дернулась из последних сил, понимая, что еще секунда – и остатки рассудка растворятся в белой хмари...

Стоптаный ворс ковра больно впился в лицо. Продолжая кричать, Уля слепо подалась назад, опрокинув столик, и забилась в дальний угол комнаты. Перед глазами разливался полынный туман: густой, неотвратимый, горький. И не было от него спасения. Деньги, стены родного дома, мамина ласка, квартиры, машины, билет на край света – ничто не спасет тебя от демонов, живущих внутри. От полыни, которая найдет тебя, как ни прячься. Во сне ли, наяву. Пока ты несешь ее метку, глупо ждать покоя.

Если только не избавиться от нее. Потратить желание, выигранное у Гуса, на то, что и правда нужно. На самое заветное, неисполнимое, способное исправить и спасти. Не просто вытащить из болота, а высушить его до дна.

Уля решительно поднялась, обошла повалившийся столик. На выпавшем из коробки куске пиццы сидела муха. Одна ее лапка потеряла другую.

Уля распахнула дверь, зная, что Рэм стоит на пороге.

– Ты кричала, – сказал он.

– Мне приснился дурной сон.

– Ты очень громко кричала.

– Это был очень дурной сон. – Уля обняла себя за плечи. –

Гус может исполнить любое мое желание, кроме воскрешения?

– Да.

– Любое – значит, совсем любое?

– Да.

– Отлично, я согласна. – Слова легко скользнули с губ, и в эту же секунду Уле захотелось взять их назад, но она продолжала стоять, рассеянно улыбаясь Рэму.

Ослепительная белизна

Они стояли у здания, похожего на раздолбанный спортзал. Уля рассматривала бурые стены, подслеповатые квадратные окошки, складывавшиеся, как тетрис, в высокие рамы от пола до плоской крыши.

Класса до седьмого мама водила ее в точно такую же школу. Не лицей, не гимназия, не еще какое-то новомодное слово, что делало бы ребятню умнее в глазах любящих родителей, готовых отдавать добрую часть зарплаты на классные нужды. Просто школа. Покрытые краской парты, гулкие коридоры в панцире кафеля, пропахшая компотом столовка и спортивный зал.

Он казался Уле местом пыток. Потная раздевалка, темный коридорчик и, наконец, расчерченное под баскетбольную площадку помещение с дощатым полом и эхом, множащим удары маленьких ладошек по мячу.

Теперь это было далеко. Память умело стирает ненужности, прячет их, чтобы однажды вытащить на свет: мол, на, смотри, вспоминай! И Уля вспоминала, как мама ждала ее, сидя на низкой лавочке в фойе. И как она начинала улыбаться, стоило Уле выбежать из дверей, на ходу застегивая белую кофточку. Все девять пуговок-жемчужинок – они запомнились особенно четко. Матовый блеск крашеной пластмассы, тихий скрип о ткань, страх, как бы не оторвались, не поте-

рялись на полутемной лестнице – где потом такие найдешь?

Уля тяжело сглотнула, прогоняя воспоминания. Не время. Не место. Ни сейчас, ни потом. Никогда.

По дороге с громким шумом неслись машины. Уля вдохнула влажный воздух, пропитанный дорожной пылью, и обернулась на Рэма. Тот стоял чуть в стороне, прижимая к уху телефон, и все никак не мог дозвониться.

Где они и почему здесь оказались, Уля не знала. Как только согласие сорвалось с губ, Рэм потащил ее прочь из дома так поспешно, что она успела схватить куртку и натянуть на босые ноги ботинки. Теперь ногам было холодно и мокро. Но Рэма ее проблемы не волновали. На все вопросы он отвечал равнодушным молчанием.

– Может, придем в следующий раз? – робко предложила Уля, когда Рэм в очередной раз прошел мимо, со злостью давя на кнопки телефона.

Тот бросил на нее раздраженный взгляд и было открыл рот, чтобы ответить, но гудки сменились громким щелчком соединения. Уля напрягла слух, пытаясь разобрать слова, но Рэм уже нажал на отбой.

– Пойдем, нас ждут, – сказал он. Сунул мобильник в карман и направился вдоль стены.

Уля успела заметить, как он украдкой вытер ладонь о штанину – брезгливо и воровато. Они долго шли по узкому тротуару. Здание казалось таким бесконечным, что пройди вдоль него не останавливаясь – и рано или поздно вернешься

туда, откуда начинал свой путь, обогнув всю Землю. Если бы не бурый цвет, Уля решила бы, что перед ней нескончаемая гладь стены из сна.

При мысли о ней кружилась голова. Уля ускорила шаг. Рэм как раз поджидал ее, стоя у темной арки, которая делила здание пополам. Они нырнули в пыльную темноту двора, захламленного мешками и бетонными плитами. Земля была перерыта, где-то в отдалении шумела строительная техника. Под ногами пружинили доски настила.

Рэм уверенно шагал в самую глубь, огибая мусор; Уля послушно семенила следом, стараясь не оступиться. Под ложечкой предательски ныло. На крыльце, сразу под неуместной в этой пыли и серости вывеской «Сакура в цвету», стоял высокий мужчина – тощий, почти прозрачный, с редкими волосиками, зачесанными назад. Грубый фартук доходил ему до колен, а длинные завязки опоясывали тело дважды, прежде чем завернуться в узел на уровне пупка.

Мужчина курил, глядя куда-то в сторону, и даже не дернулся, когда Рэм легко взобрался по ступеням и застыл напротив. Уля осталась стоять внизу. Она с трудом шевелила пальцами. И ноги тоже окончательно промерзли. Низкое небо в любую секунду было готово пролиться нудным осенним дождем из тех, что могут тянуться часы, а может, дни, а может, и всю жизнь – никчемную, пустую, человеческую.

Сохраняя молчание, Рэм достал из-за пазухи сигарету и зажал ее между зубами. Мужчина не глядя вынул из карма-

на фартука зажигалку, чиркнул по колесу и протянул за-теплившийся огонек. Они затаились, продолжая смотреть каждый в свою сторону.

Уля заставила себя отвести взгляд от их сторбленных фигур. Было что-то неправильное, противоестественное в этой тишине – нагнетающейся, плотной, – в их равнодушных движениях и дыме, уносящемся в осеннее небо от тлеющих сигарет.

– Ну пойдем, – так же отсутствующе повторил Рэм, туша сигарету о железные перила, и шагнул через порог.

Мужчина посторонился, пропуская Улю, которая послушно начала подниматься по ступеням. Поравнявшись, она мельком на него посмотрела и в ту же секунду поняла: он прятал взгляд, старательно и упорно смотрел в сторону, делая это умело, как слепцы с рождения. Куда лучше, чем получалось у нее самой.

«Меченый», – поняла она и сказала вслух:

– Меня Уля зовут.

Мужчина помолчал, рассматривая заостренные носки ботинок, и, когда Уля уже почти собралась с силами, чтобы шагнуть в пыльную тьму, чуть слышно проговорил:

– Анатолий.

Она кивнула и сделала шаг; дверь за ее спиной, надсадно скрипнув, захлопнулась. Впереди слабо мерцал свет. Уля постояла немного и пошла на него, чувствуя себя самым глупым из всех мотыльков, поступающих точно так же.

Почти вслепую Ульяна шагала по коридору, выставив вперед руки. Пахло отсыревшей побелкой и чем-то острым. Так было в больнице, когда Уля вращалась в пластмассовое сиденье стула приемного покоя. Так пах бесконечный день, проведенный в надежде, что врач ошибся и Никитка жив, поломан, ушиблен, изранен, но жив. Въедливый дух моющих средств и обеззараживающей жидкости, лекарств, боли и тоскливой безнадежности.

Уля стиснула зубы, заставляя себя идти и не останавливаться, пока руки не нащупали впереди гладкую дверь. Она было занесла кулак, чтобы постучать, но сама себя одернула. И просто потянула круглую ручку. Дверь распахнулась, в пыльный мрак коридора хлынул поток яркого света.

Ульяна перешагнула порог, и свет ее ослепил. Запах лекарств стал невыносимым. Оказалось, что в мире есть что-то еще, кроме полыни и мужского парфюма, выворачивающее Улю наизнанку. Пока глаза привыкали, она старалась дышать через рот, чтобы не впускать в себя запах, а с ним и воспоминания.

Понемногу Уля сумела оглядеться. Комната безжалостно сияла белым. Кафельные пол и стены, большое кресло, похожее на те, что стоят в зубных кабинетах, пара стульчиков поменьше и небольшой столик, накрытый белой простыней, — на все это были направлены четыре лампы, подвешенные под потолком, которые и обрушивали вниз поток нестерпимого холодного сияния.

Именно так Уля и представляла кабинет сумасшедшего доктора, готового провести лоботомию любому, кто попадетя ему под руку. Надо бежать. Прямо сейчас. Развернуться, пронестись по короткому коридору, оттолкнуть Анатолия и не останавливаться, пока рядом не окажется утренняя московская толпа. Уля слабо дернулась, но ноги ее не слушались.

Кто-то сыграл с ней злую шутку. Высмотрел, как она провозжала взглядом санитаров у диспансера. И провел социальный эксперимент – задурил ей голову рассказами о смерти и желаниях. А она повелась, как дура. Все так и было. Безо всяких «как».

Уле стало смешно. Смех почти вырвался изо рта, когда у стены кто-то пошевелился. Там стоял Рэм, прислонившись к кафелю спиной. Яркий свет резкими мазками рисовал складку у тонких губ, мешки под глазами, острую морщинку между бровей. Так Рэм казался старше и грубее. Всей своей напряженной фигурой он старался вжаться в белую стену, держась подальше от кресла, которое отделяло его от Ули.

Если секунду назад ей казалось, что Рэм – один из обманувших ее санитаров, что он в любой момент может войти в дверь, облаченный в белое, чтобы вкрадчиво, но цепко подхватить ее локоть и потащить на прием к врачу со знакомой фамилией Гусов. Но теперь стало ясно: они в одной лодке.

Дверь за спиной Ули бесшумно открылась. Рэм дернулся,

поднял голову, бросил короткий взгляд куда-то за ее спину и еще сильнее вжался в кафель, будто надеялся пройти сквозь него и вывалиться с другой стороны.

Тяжелая поступь, пахнувшая из коридора сырость и знакомая травяная горечь заставили Улю зажмуриться, но судорога, скрутившая внутренности, почти сразу ослабила хватку. Видимо, ко всему в этом мире можно привыкнуть. Даже к мертвецкой горечи полыни.

– Ну здравствуйте, детки, – прохрипел знакомый голос. – Не скучаете тут?

Гус обогнул застывшую Улю, отечески потрепав ее по плечу. Сегодня на нем не было вонючих обносков. Добротная кожаная куртка, удобные ботинки и мешковатые, но чистые брюки сделали из вокзального бездомного вполне себе приятного пожилого мужчину. Гус даже бороду расчесал. И только глаза цвета пыльной травы смотрели знакомо.

Старик обстоятельно обошел комнату по кругу, похлопал ладонью по высокому креслу. Чуть шевеля губами, направился к одному из небольших стульчиков, снял с себя куртку, размотал тонкий вязаный шарф и аккуратно повесил все это на спинку. И только потом наконец сел, сложив руки на коленях.

– Ну что, Рэм, рассказал ли ты об условиях нашей маленькой забавы? – спросил он.

– Да, он рассказал мне... – начала Уля, но Гус оборвал ее властным взмахом руки.

Коротко подстриженные ногти блеснули в электрическом свете. И от их ухоженной гладкости Уле неожиданно стало легче дышать.

– Я задал вопрос. Отвечай. – Гус не повысил голос, но металл, появившийся в нем, говорил сам за себя.

– Я сделал, как вы велели, – выдавил Рэм, опуская голову еще ниже.

Мертвенная бледность залила лицо, обостряя черты. Такими становятся покойники, пролежавшие всю ночь в стенах своей квартиры – обмытые, обряженные в самый лучший костюм, уложенные на мягкую подушку гроба.

Старик внушал Уле животный страх, но даже она держалась лучше Рэма, который из последних сил прижимался спиной к кафелю. Между ним и Гусом звенела тишина. Наконец, когда Рэм начал медленно сползать по стене, старик хлопнул ладонью по колену и коротко засмеялся.

– Вот и умничка, вот и молодец, – сказал он, растягивая губы в улыбке, но глаза оставались двумя сверлами, безжалостными и холодными. – Ты пока иди, подыши. Что-то неважно выглядишь, честно говоря. – Гус снова хохотнул. – А после зайдешь, поглядим, что можно сделать.

Рэм кивнул, утер со лба пот и на неверных ногах пошел к двери, огибая старика по самой широкой дуге. На мгновение он встретился с Улей глазами, и та прочла в них глухую тоску.словно в его жизни никогда не бывало ничего хорошего, и все, что имел он в памяти светлого, стерлось за ту минуту,

которую Гус впечатывал его в белоснежный кафель.

Рэм чуть заметно кивнул, прикоснувшись к плечу Ули своим, но не остановился. Когда за ним захлопнулась дверь, в комнате стало еще холоднее. Безжалостный свет не давал ни единого шанса укрыться.

– Итак, ты в игре? – лениво спросил Гус, разваливаясь на стульчике. – Честно говоря, я не удивлен. Есть в тебе что-то эдакое... Отчаяние, наверное. Оно делает людей по-настоящему бесстрашными. Толкает на неожиданные поступки. Меняет жесты, взгляд, даже запах... – Он шумно вдохнул через широкие ноздри. – Знаешь ли ты, как пахнет испуганный человек? Горьким потом, влажной кожей, слезами, слюной, смертью... И полынью, конечно, полынью. Правда, этого он сам не чувствует. Зато чуем мы. Так, козочка моя? Не молчи. Скажи что-нибудь.

– Почему вы не называете меня по имени? – выпалила Уля, не думая о том, что произносят ее онемевшие губы.

Гус замер, моргнул и разразился оглушительным хохотом.

– Молодец! Уела старика. – Он пригладил бороду. – Мы пока недостаточно знакомы. Я старый человек и придерживаюсь правил. Но не волнуйся, мы скоро познакомимся поближе.

Его острый взгляд впился в Ульяну, заставив сделать робкий шаг вперед. Так бандерлоги из «Маугли» покорно шагали к мудрой безжалостной змее. Предчувствуя, что ждет их, но не находя в своих жалких тельцах сил сопротивляться.

Когда длинные, мертвецки холодные пальцы старика схватили Улю за подбородок, ее чуть не вывернуло. Тяжело сглотнув, она уставилась выше его плеча, из последних сил стараясь не расплакаться.

– Нет, так дело не пойдет, – разочарованно протянул Гус, покачивая сжатой ладонью и заставляя Ульяну повторять за ним это движение. – Посмотри мне в глаза, девочка, и скажи: ты в игре?

Язык заморозило, губы сжались, плотно прикрывая собой зубы. Но ответ уже рвался наружу. Короткое слово в две простые буквы. Один слог, который не проглотить. Согласие, которое нужно выговорить, чтобы скрепить сделку.

Гус надавил чуть сильнее. На нежной коже Ули вспыхнули следы его пальцев, она замычала, пытаясь вырваться, но старик был неумолим.

– Ты задерживаешь меня, а я не люблю тратить время. Скажи это. Ты в игре? Или беги прямо сейчас. Я дам тебе фору, – прошептал он, притягивая ее так близко, чтобы горькое дыхание щекотало щеку.

Волна отвращения накрыла Улю стремительно и внезапно. Она рванулась еще раз, но силы были неравны. И тогда она сдалась.

– Да, – прохрипела она сквозь сжатые зубы.

Старик тут же ее отпустил. В комнате потеплело, а полынь, уже наполнившая своей горечью все вокруг, сменилась терпимой вонью медикаментов.

– Вот и молодец, Ульяна. – Улыбка делала лицо Гуса древней маской злого божка. – Теперь я могу тебя так называть.

И пока он расслабленно усаживался на низкий стульчик, Ульяна пятилась. В гулко звеневшей голове не осталось мыслей, слов тоже не было – все забрал в себя один маленький слог, произнеся который, Уля перешагнула черту.

Гус достал из кармана куртки телефон, подслеповато сощурил глаза и набрал комбинацию цифр. Спустя один долгий гудок он нажал отбой и только после этого посмотрел на Ульяну.

– Сейчас придет Толя, и мы скрепим все как полагается, – зачем-то начал объяснять Гус. – А пока давай повторим правила. Вдруг этот шельмец чего напутал, а? – И подмигнул ей.

Стремительность смены масок испугала Ульяну еще сильнее. Она жалобно огляделась, но комната продолжала слепить ярким светом и равнодушной белизной.

– Тебе нужно исполнение желания, так? – продолжил Гус. – А мне – три подарочка. Потешь старика, принеси, что он просит. И будет у тебя все что захочется.

– Кроме воскрешения, – чуть слышно выговорила Уля.

– Это было бы очень неуместно, знаешь ли, – совершенно серьезно ответил Гус. – Все просто: у тебя целый месяц.

– А если я не успею?

– Плохой у тебя настрой! Не боевой. – Гус развел руками. – Не успеешь – твоя вина. Будешь мне служить. Но зачем сейчас о плохом?

– Что значит «служить»? – Голос красноречиво дрогнул.

– Не беспокойся, страховать неудачников, знающих, что они неудачники, я тебя не заставлю. И то хлеб.

Уля уже не удивлялась. Ни осведомленности, ни насмешливому тону, ни тому, как легко было соглашаться со стариком. Страшно до нервной икоты, но легко. Тело устало бороться. Ульяне хотелось спать. Забраться под одеяло, как есть, в одежде и грязных ботинках, и не открывать глаза целый месяц.

«Так и будет. Только выиграй. И все закончится. И ты отдохнешь», – твердила она, уговаривая саму себя, но ноги продолжали трястись.

Тишина затягивалась, Гус продолжал сидеть на стульчике, потирая ладонями колени. Дверь открылась бесшумно. В проеме появилась долговязая фигура Анатолия. Переступая через порог, тот слегка нагнулся – то ли чтобы не задеть макушкой потолок, то ли приветствуя старика.

– Ну здравствуй, дорогой! – сказал Гус, улыбаясь.

Судорога пробежала по лицу Анатолия в ответ. Он боялся. Как и Рэм, как и сама Уля. Ему тоже смертельно хотелось оказаться где угодно, только не здесь, под ослепляющими лампами белой комнаты. Но он все равно шел навстречу Гусу – покорный, сторбленный, нескладный.

– Я тебе работенку привел, ну-ка, погляди. Ульяна! – Старик проворно вскочил, подтолкнул Улю вперед, приглашая Анатолия разглядеть ее получше. – Хороша девка, а? Ну да-

вай. Начинай. А я погляжу.

Глупая, несуразная в своей отвратительности мысль пришла Уле в голову, пока она смотрела на замершего перед ней Анатолия. Что, если он сейчас накинется на нее? Начнет раздевать или раздеваться сам? Что вообще могут сделать с ней эти странные люди – все как один сумасшедшие, все как один мужчины?

Прочитав внезапную догадку на ее застывшем лице, Гус презрительно хмыкнул.

– Нет, милая, Толя не по той специальности, что ты себе возомнила. И уж точно я не стал бы на это смотреть. – Он брезгливо поморщился. – Присаживайся в кресло, девочка, а одежду оставь при себе. Я под ней ничего нового не увижу.

Жар мигом проступил на щеках. Уля послушно кивнула и опустилась на мягкое сиденье, пока Анатолий отошел к стене и сгорбился над накрытым простыней столиком. Раздался металлический лязг, потом скрежет ножек по кафелю.

Низко склонив голову, Анатолий тащил за собой трехногий столик, на нем стояла бутылка с мутной жидкостью, пара склянок поменьше и знакомая Уле машинка с иглой на конце.

Заканчивая школу, Уля решила, что это событие достойно быть увековеченным, да так, чтобы раз и навсегда. Грядущая взрослость пьянила голову, и они с Вилкой, хохочущие, обмирающие от страха и предвкушения, сбежали с последнего урока, чтобы сделать тату. Им было неважно, каким

будет рисунок: надпись, пчелка, кошачьи ушки или купола на всю спину. Главное – сделать это, не струсить, доказать, что тело, так сладко томящееся в школьной форме, принадлежит отныне только тебе самой – взрослой, имеющей право творить все что заблагорассудится.

Они зашли в салон, там пахло дымом и чем-то запретным. Пока за плотно прикрытой дверью шумела машинка, Уля листала страницы каталога. Их выгнали на улицу спустя пятнадцать минут – как только длинноногая девушка с ресепшена поинтересовалась, сколько лет юным посетительницам. Конечно, по дороге домой Уля громко возмущалась, но в глубине души она испытывала облегчение. В жизни и так все было несладко: страх перед экзаменами, постоянные укоры мамы, плачущий Никитка. Не хватало только наспех сделанного тату.

Тогда они решили, что обязательно вернуться. Но к осени идея благополучно забылась. А теперь Уля с ужасом наблюдала за тем, как просовывает в перчатки свои грубые ладони Анатолий.

– Что... что вы делаете? – Голос дрожал.

Уля загнанно обернулась на Гуса.

– О, ничего, что навредит тебе. Просто мы скрепим нашу игру, так всем будет интереснее, правда? Протяни ручку Толе и не дергайся, он этого не любит.

Анатолий сжал и разжал ладони, проверяя, ладно ли сели перчатки, потянулся к бутылке с мутной жидкостью и смо-

чил в ней тампон. В воздухе повис острый запах дезинфекции, от которого в Уле мигом испарились последние силы. Она не могла бороться с сумасшедшим стариком, а испуганный мужчина напротив не был ее врагом, Уля понимала это со всей ясностью. Потому, когда Анатолий протянул ей раскрытую ладонь, она покорно вложила в нее свою.

Гус за спиной одобрительно хмыкнул.

Влажная ткань ловко обтерла Улино запястье. Анатолий отложил в сторону тампон и взял тоненькую полупрозрачную бумагу, на которой был нарисован травянистый орнамент. Такой же, что окольцовывал руку Рэма. Уля в последний раз дернулась – слабо, почти незаметно – и обмякла. Когда калька внахлест легла на влажную кожу, она зажмурилась. Легкими движениями Анатолий прижал бумагу, аккуратно, почти нежно провел подушечкой пальца по каждому листику, чтобы тот отпечатался на запястье.

Пока Анатолий возился с машинкой, Уля продолжала сидеть, закрыв глаза. Через сомкнутые веки она чувствовала, как внимательно следит Гус за каждым ее всхлипывающим вздохом. Злость кипела, мешалась со страхом. Уля заставила себя расслабить напряженную спину, глубоко вдохнула и почти не испугалась, когда осторожные руки Анатолия смазали ее запястье чем-то жирным и вязким.

– Чтобы лучше скользило, – шепнул он и принялся за работу.

Время застыло. Боль, мигом пронзившая руку до самой

кости, то отступала, становясь почти неощутимой, то вновь набегала, как бешеный прибой в ноябре. Машинка надсадно гудела, соприкасаясь с кожей и прокалывая ее, и Уле казалось, что кто-то режет запястье тонким скальпелем по одному и тому же месту много раз, углубляя рану, не давая ей затянуться.

Анатолий осторожно промокал кожу мягкой тканью – это Уля чувствовала, как и его напряженное дыхание над собой. Глаза она так и не открыла. Закусив губу, чтобы гадкий старик не услышал ни единого стога, Уля оперлась макушкой на спинку кресла и старалась расслабиться, вдыхая воздух, выдыхая боль.

Получалось плохо. Уле казалось, что она сидит в этом кресле не один день, что осень давно сменилась зимой, а зима – летом. Что эта боль всегда была с ней и будет тоже всегда. Что в этом-то и есть забава Гуса. Игра, которую она проиграла, не успев начать.

Но Анатолий, последний раз промокнув запястье тряпочкой, что-то проговорил, поворачиваясь к старику, и выключил машинку. Тишина, пришедшая на смену мерному гулу, заставила Улю открыть глаза. Она даже успела забыть, как безжалостно светили лампы, как ослепительно белели стены комнаты. Щурясь, она посмотрела в ту сторону, где должен был сидеть Анатолий, но тот уже тащил к стене трехногий столик, а рядом возник Гус – добродушный, словно ее любимый дедушка.

– Красота, правда? – Он наклонился поближе. – Есть в этом что-то верное, на мой взгляд, – нести на себе метку того, что давно отметило тебя своим.

Уля медленно перевела взгляд на запястье. Кожа неумолимо опухала. На ней затейливой вязью красовались тоненькие веточки полыни.

– Ну, как себя чувствуешь? – спросил Гус.

Ульяна прислушалась к себе. Руку саднило, в ушах шумел визг машинки, а желудок вело от дурноты, но в целом ей было не так уж и больно.

– Ничего.

Старик улыбнулся еще шире, оголяя ровный ряд белоснежных зубов. Уля точно помнила, что на мосту рот бездомного был похож на гнилой покосившийся частокол.

– Вот и славно, – сказал Гус, протягивая ладонь. – Но придется еще немного потерпеть. Последний штрих, так сказать, чтобы наша игра и правда началась...

Уля не успела дернуться, вскрикнуть, отскочить в сторону, свалиться с кресла прямо на холодный кафель. Она даже испугаться как следует не успела. Разморенная пережитым страхом, успокоенная мыслью, что самое страшное позади, она не шелохнулась, когда тяжелая ладонь Гуса легла на ее запястье и обхватила его. Под длинными стариковскими ногтями снова была жирная черная грязь.

Мысль об этом была последней, промелькнувшей в сознании Ули, а дальше пришла боль. Ослепительно белая, как ка-

фель в комнате, прожигавшая насквозь кожу, мясо и кости. Боль родилась в запястье и стремительно заполнила Улю, покорила ее собой. Всеобъемлющая, не похожая ни на что, не являющаяся ничем.

Сознание покинуло Улю раньше боли.

Китайская пытка водой

Из крана мерно капала вода. Кап. За стеной раздалась тяжелая поступь Натальи. Кап. Скрипнула дверь. Кап. Зашумел сливной бачок. Кап. Снова шаги – будто лохматое чудище тащит тело в берлогу. Кап. Тишина. Кап.

Уля с трудом подняла голову от подушки. В висках пульсировала боль, как после пьянки. Когда Уля в последний раз пила, вспомнить не получалось. Наверное, еще в безбедные годы – терпкий «Лонг-Айленд» тогда был основой хорошего вечера. Во рту пересохло, от нечищенных зубов расплзлось тошнотворное. Ульяна застонала, перевернулась на спину. На подушке остался влажный след от натекшей слюны. Уля с отвращением вытерла потрескавшиеся губы и наконец огляделась.

Знакомые обои пузырились на стенах. Окна запотели от влажности так, что за ними можно было разглядеть только серую хмарь и голые скелеты деревьев. Уля лежала поверх одеяла. Распахнутая куртка укрывала плечи: из рукавов она вылезла во сне. Грязные ботинки стояли у дивана, с них успело натечь.

Уля помотала головой. Виски откликнулись новой порцией боли. На столике экраном вниз лежал телефон. Ульяна протянула руку, чтобы перевернуть его, – вдруг звонили с работы?

Плотная повязка на запястье заставила Улю замереть. Память возвращалась к ней рывками. Ослепительно белая комната, холодный кафель, прячущий глаза Анатолий и Гус, берущий в свою властную ладонь ее руку с полынным узором, выбитым на коже. Уля судорожно развернула бинт.

Воспаленная кожа, укрытая пленкой. Линии веточек, бегущие по запястью, замыкаются в кольцо. Уля отчетливо помнила, что Толя успел набить только контур. Но сейчас каждый листик оказался заполнен зеленоватой краской.

Телефон ожил короткой вибрацией. Держа татуированное запястье на весу, Уля дотянулась до трубки. Монохромный экранчик светился конвертом. Один клик на продавленную клавишу – и строчки, присланные с неизвестного номера, заставили забыть о саднящей коже.

«Смертью, брошенной напоказ, – это раз.

Смертью, выданной за слова, – это два.

Смертью, принятой по любви, – это три».

И больше ни слова. Ни подписи, ни расшифровки, ни объяснений. Но наполненная краской веточка на запястье заставляла верить каждой несуразности и странности. Все теперь имело значение, и не одно. Совсем не одно.

– Смертью, брошенной напоказ, – это раз, – повторила Уля, прислушиваясь к себе.

Ничего не екнуло, в ушах не раздался чужой голос. Только вода продолжала капать из потекшего крана.

– Смертью, выданной за слова, – это два. – Кап. Тишина.

Кап.

– Смертью, принятой по любви. – Уля зажмурилась в надежде, что за секунду во тьме сообщение подгрузится, откроется еще одна часть, хотя бы подпись, хоть одна сносочка. Ничего.

Экранчик погас. Уля покачала телефон в руке и решительно вскочила. Холодный линолеум встретил ее сыростью. Она поспешила засунуть ноги в ботинки и направилась к выходу, оставляя за собой грязные следы.

Соседская дверь открылась на второй удар. Рэм распахнул ее и застыл на пороге. Без рубашки, в одних заношенных спортивных штанах с вытянутыми коленками, он стоял босиком и смотрел на Улю с неожиданным интересом. Та смешалась.

Смуглая кожа обтягивала его выступающие ребра, впалый живот напрягался в такт дыханию, а широкие брюки на острых костяшках бедер удерживал только крепкий узел ремешка. Рэм чуть наклонил голову и молчал, ожидая чего-то. Уле понадобилась пара мгновений, чтобы понять, как глупо она замерла, разглядывая его.

– Привет, – пробормотала она, протягивая телефон.

Рэм не шелохнулся. В нем что-то неуловимо изменилось: мертвецкая бледность отступила, смуглые щеки подернулись румянцем, а потухшие глаза, так загнувше из угла белоснежной комнаты, блестели заинтересованно.

– Что это?

– Телефон. Возьми, там сообщение, я не понимаю... – Уля беспомощно разжала ладонь. Трубка осталась лежать в ней, Рэм лишь перевел взгляд с Улиного лица на руку – ту, что была наспех перевязана бинтом. – Что вообще вчера случилось? Как я оказалась дома? И татуировка... Зачем она?

– Вчера началась твоя игра, – процедил Рэм. – Мы с Толей привели тебя обратно. Боюсь, у соседок осталось много вопросов. А сообщение... Видимо, там задание.

– Задание? Там ерунда полная. – Уля перешла на громкий шепот. – Стишок какой-то, я ни черта не поняла.

– Не черти, – поморщился Рэм. – Это описание подарочков.

Строчки вспыхнули в памяти.

– Смертью, брошенной напоказ... – Уля подняла глаза на Рэма. – Это раз.

– Все так.

– Нет, подожди. Я должна принести ему три подарочка. При чем здесь считалочка?

Рэм не ответил. Но по его виду – хмурому и взлохмаченному – было видно, что Уле он не сочувствует. Она подписала договор, не прочитав строчки мелким шрифтом. И теперь уже ничего не изменить. Жалкая роспись чернилами на бумаге – ничто по сравнению с ввевшейся в кожу краской, которая зудела и пульсировала на запястье напоминанием о данном согласии. Рэм потянулся, разминая плечи.

– Думала, просто три вещицы, да? Для Гуса это слишком

скучно. Ему нужно лишь то, чего он по-настоящему желает. Что-то связанное с гибелью, брошенной напоказ, например.

– И что это значит? – чуть слышно выдавила Уля.

– Без понятия. – Рэм пожал плечами; на одном виднелся глубокий шрам, похожий на старый ожог. – Это твоя игра, не моя...

Он замолчал, и, пока это молчание длилось, в холодной комнате все капала и капала вода. Кап. Уля судорожно вдохнула. Кап. Шумно выдохнула. Кап. Рэм скривил губы. Кап. И наконец сказал:

– Старик послал меня помочь тебе научиться. Разобраться, как находить искомое. До начала месяца дней шесть, этого должно хватить... Наверное.

– Ты поможешь мне? – прошептала Уля. – С этим всем? С игрой?

Потеплевший было взгляд Рэма мигом стал ледяным.

– Мне нет дела до твоей игры. Запомни это хорошенько. Никто не станет вмешиваться в дела Гуса. Но пока он поручает мне возиться с тобой, я буду. Поняла?

Уля кивнула. На тотальном безрыбье среди желающих протянуть ей руку помощи, по своей ли воле или нет, даже мрачный Рэм, вечно готовый оттолкнуть ее еще дальше, чем она сама от него держалась, выглядел достойной компанией.

– Хорошо. – Рэм порылся в кармане, достал телефон. – Сейчас полвосьмого утра... Я зайду за тобой к десяти, будь готова.

Он бросил на Улю последний взгляд, задержался на завернутом в бинт запястье.

– Подержи под холодной водой, так опухает меньше... – И закрыл дверь.

Нужно было возвращаться к себе, но, пока Уля топталась у дверей Рэма, в коридоре возникла Наталья – она в полудреме брела на кухню, напевая под нос что-то невнятное.

– Доброе утро, – пробормотала Уля, прижимаясь к стене, чтобы протиснуться мимо.

Наталья вздрогнула, посмотрела на грязные следы, оставленные на вымытом Оксаной полу, шмыгнула носом и поспешно скрылась за дверью. В руках она сжимала плетеную авоську с парой крепких капустных кочанов. Час отвратительно пахнущего варева почти настал.

Уля вошла в комнату и прикрыла за собой дверь. Спать не хотелось. Рука зудела, от запястья к плечу бежали колющие мурашки. Не снимая ботинок, Уля прошла к умывальнику. Крохотный и ржавый, он был хлипко приделан к стене, Уля и не пользовалась им, уверенная, что тот отвалится от стены при первом же прикосновении. Кран продолжал монотонно капать. Китайская пытка какая-то, где холодные капли падали вниз, прямо на макушку связанного человека, сводя несчастного с ума. А теперь потекший кран лишал остатков рассудка Улю.

Вода хлынула мутным потоком, стоило повернуть винт в сторону. Слив давно забился, и раковина быстро наполни-

лась до краев. Уля осторожно размотала бинт и опустила пылающее запястье в воду.

Сквозь ржавую взвесь кожа выглядела смуглее, а вязь из тонких веточек и листьев, напротив, чуть померкла, и так, без красноты опухшей кожи, татуировка стала красивой.

«Интересно, – подумала Уля, – что бы сказала Вилка?»

Думать о Вилке было опасно, эти мысли обнажали то, что следовало спрятать и прогнать прочь. Они были первым шагом к мыслям о маме, доме, а значит, и Никитке. Обо всем утраченном и сломанном. О том, что можно было бы попробовать вернуть, не будь полыни. Той самой, чья веточка плотно сковывала запястье.

– Смертью, брошенной напоказ, – пробормотала Уля, наблюдая, как расходится кругами вода в старом умывальнике. – Я найду такую смерть. Я люблю найду, только бы это закончилось.

В десять раздался стук, и Уля тут же открыла дверь. Но Рэм уже скрылся в полутьме коридора. Он больше не сутулился, не вжимал голову в плечи, и куртка перестала казаться взятой напрокат. Ульяна проводила его взглядом, натянула парку, завязала покрепче шарф и поспешила следом, вниз по лестнице, пропахшей котами, прочь от двора в сторону оживленной улицы.

– Куда мы идем? – сбивчиво спросила она, нагоняя Рэма.

– Просто идем, не отставай.

– Не люблю этот район... Тут слишком много...

– Людей? – Рэм повернулся к ней. – Ты боишься их?

– Не их. – Уля растерянно улыбнулась. – Я боюсь, что это снова случится...

– Плохо. Ты не должна бояться того, что выбрало тебя. Иначе в чем смысл?

– Хотела бы я знать, есть ли он вообще.

Рэм хмыкнул и пошел дальше, уверенно лавируя между прохожими. Дойдя до перекрестка, он свернул в сквер.

– Садись. – Рэм кивнул в сторону лавочки.

Уля послушно присела на самый краешек.

– Дай мне свой шарф. – Он требовательно взмахнул рукой, и, пока Уля не развязала крепкие узлы, продолжал нависать над ней с протянутой ладонью.

Мимо прошмыгнула стайка подростков – яркие рюкзаки на фоне серости сквера казались пятнами разлитой краски. Вот один, светловолосый, в мешковатой куртке цвета хаки, толкнул второго, одетого в дождевик, и оба они громко засмеялись, пихаясь острыми кулачками. Сколько им было? Лет по одиннадцать, наверное. Никитка еще не стал бы таким, но топтался бы на самом пороге шумного зала, забитого этими громкими и угловатыми мальчишками. Сердце предательски сжалось. Уля давно уже не позволяла себе вот так сидеть в сквере, полном опасностей. Полном людей – живых, разговорчивых и смеющихся.

Рэм что-то говорил, когда Уля медленно, через силу, отвела взгляд от мальчишек. И свет тут же померк. Уля дер-

нулась в сторону, чувствуя, как краешек скамейки перестает быть опорой, и упала бы в грязь, если бы чужие руки не подхватили ее, усаживая обратно.

– Тихо, тихо, – шепнул Рэм, пристраиваясь рядом.

– Что ты делаешь? – Уля попыталась вырваться, но он крепко прижал ее к себе.

– Пытаюсь тебе помочь. Когда человек лишается одного источника чувств, другие начинают работать еще острее. Зрение помешает тебе сейчас. Да не дергайся ты!

Его пальцы впились в рукава куртки; Уля ничего не видела, колючий ворс шарфа больно царапал лицо. Она шумно выдохнула, чтобы успокоиться, и обмякла, позволяя Рэму обнять себя за плечи.

– Вот так, молодец. Если кто-нибудь пройдет мимо, подумают, что нам просто приткнуться негде. Лишние вопросы тут ни к чему, да?

Уля коротко кивнула.

– А теперь слушай. – Чуть хриловатый голос Рэма раздавался у самого уха, его дыхание – горячее, с привкусом табака – обжигало щеки. – Ты должна почуять полынь. Я знаю, что ты ее боишься, но сейчас она твой единственный друг и помощник. Позволь ей стать частью тебя.

Он замолчал, подбирая слова, и в этом молчании Уля различила сомнение, будто бы Рэм и сам до конца не верил в то, что так горячо ей шептал.

– Что она вообще? Эта полынь? – Вопрос давно вертелся

на языке, и теперь, когда Уля не могла видеть ничего, кроме теплой вязаной тьмы взамен острого взгляда Рэма, задать его было проще.

– Она... Ею пахнет страх смерти. – Уля почувствовала, как напряглись крепко обхватившие ее руки. – Умиравший от старости почти не пахнет полынью. В нем нет того ужаса жертвы, попавшей в капкан. – Тяжелые слова падали с губ Рэма, и Уля почти видела, как те кривятся в болезненной судороге. – Этот страх нам и нужен. Впусти его в себя. Не бойся, не сопротивляйся, вдыхай.

И Уля, замороженная его настойчивым шепотом, вдохнула сырой воздух сквера. Мимо шли люди. По их шагам – тяжелым, чуть слышным, шаркающим, спешащим, неровным – сложно было понять, кто именно идет мимо скамейки. Воздух пах гнилой листвой, парфюмом, мокрым асфальтом – чем угодно, но не полынью.

– Ну же, – повторил Рэм. – Все несут в себе страх. Каждый чего-то боится. Особенно смерти. Страшно тебе – страшно им.

– А чего боишься ты? – чуть слышно спросила Уля, убаюканная теплом объятий.

Рэм чуть заметно отстранился.

– Не отвлекайся. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Уля понимала. Конечно, понимала. Она чувствовала постоянный страх уже много лет. Тот покрывал ее тело тонкой пленкой и путал мысли. Ее собственный страх. И страх чу-

жой. Но как различить его сейчас, когда глаза плотно завязаны кусачим шарфом? Полынь еще не приходила первой. Она медленно настигала Улю в миг, когда все уже свершилось. Чужие глаза встречались с ее, и гибель разворачивалась плотным, замедляя время. Здесь же не было глаз, а лишь тьма и тепло незнакомого тела.

Уля попыталась высвободиться. Рэм чуть ослабил хватку. Она нащупала конец шарфа и потянула, стараясь прервать внезапный плен слепоты, но Рэм отвел ее ладонь в сторону.

– Нет. Так ты не увидишь то, что я пытаюсь тебе показать.

– Я вообще ничего не вижу!

– Потому что ты не слушаешь. И до сих пор борешься с полынью. Но давно уже проиграла ей, – Рэм говорил отрывисто и зло. – И проиграешь снова. Только теперь верх над тобой возьмет Гус.

– Отпусти. – Уля дернулась сильнее.

– Ты боишься. Полынь наполнила тебя до краев, а ты пытаешься бороться с ней. Зачем? – Рэм не отступал, его лицо было совсем рядом с Улиным, его голос проникал в голову, прогоняя мысли и заменяя их своими.

– Я не хочу, – жалобно проговорила Уля. – Отпусти меня.

– Если я сейчас уйду, больше никто не возьмется тебе помогать, понимаешь ты это? – прошипел Рэм, впиваясь пальцами в ее запястье, и то откликнулось ослепительной болью.

Уля дернулась изо всех сил, затылок врезался в мягкое, и хватка наконец разжалась. Уля вскочила, откидывая в сто-

рону шарф. Свет больно ударил по глазам. Рэм сидел на скамейке, потирая щеку ладонью.

– Не нужно делать вид, что ты лучше меня, – зло выкрикнула Ульяна. – Это ты служишь Гусу. Значит, ты уже проиграл, да? – Лицо Рэма стремительно бледнело. – Так почему я должна тебя слушать? Мне не нужна твоя помощь, понял? Я сама со всем разберусь. Иди принеси ему тапочки или чем ты еще занимаешься? А меня не трогай. Никогда больше!

И понеслась прочь, расталкивая прохожих, до самого дома. Когда дверь комнаты с шумом захлопнулась за спиной, Уля поняла, что плачет.

Кап. Рэм больше не станет ей помогать. Кап. До начала месяца, когда странная игра Гуса начнется по-настоящему, осталось шесть дней. Кап. А впрочем, уже пять. Кап. Как разобраться со всем этим в одиночку, осталось вопросом. И, кажется, неразрешимым.

Ноги сами тебя приведут

– Ну где же ты? – шептала сквозь зубы Уля, продолжая искать злополучный вентиль в темноте шкафчика, скрытого под раковиной.

Она не могла больше слушать, как мерно капает вода. Каждая капля била прямо в оголенный комок нервов. Ржавый кран нашелся в самом углу, среди подгнивших тряпок и пустой упаковки моющего средства. Вода в последний раз звонко ударилась о дно умывальника. И воцарилась тишина. Уля с наслаждением выдохнула, но долгожданного покоя не случилось.

Рэм все еще не вернулся. Уля то и дело подходила к двери и вслушивалась, не раздадутся ли в прихожей его шаги. Мимо сновала Оксана, то вытирая пол, то злобно переругиваясь с пришедшим на обед мужем. Рэма не было.

Только скрывшись в комнате, Уля поняла, что наговорила лишнего. Рэм и правда старался помочь. Пусть и не по своей воле, но он пытался объяснить что-то очень важное. Отгаликовать его было глупо и нечестно. Но что поделать с собой, забывшей, каково это – вести разговор с кем-то, кроме бесконечной череды соседей по коммуналкам?

Перед глазами встало побледневшее лицо Рэма. Уля сморщилась, пытаясь его прогнать. Нужно было извиниться. Как можно скорее. Как получится искренне. Но Рэм не возвра-

щался.

Теперь уже тишина начала выводить Улю из равновесия. Она потопталась у порога, вслушиваясь, не откроется ли входная дверь, не проскользнет ли внутрь захламленного коридора Рэм. Не открылась. Не проскользнул.

Уля решительно вышла в прихожую, на ходу просовывая руки в куртку. Куда идти, она не решила. На улице тоскливо накрапывал дождь. Мокрые стволы деревьев темнели на фоне серого неба. Уля растерянно огляделась.

Первый же прохожий пристально посмотрел ей в лицо, цепко и напряженно. Нужно было самой отвести взгляд, уткнуться в заляпанные грязью ботинки и пройти мимо. Но Уля этого не сделала. Что-то успело измениться в ней, пока она сидела на скамейке рядом с Рэмом – слепая, не слышащая ничего, кроме шепота. Полынь все еще пугала ее, пугала до смерти, но мысль о бесполезности борьбы прочно осела в сознании. И Уля решительно ответила на взгляд. Полынь не пришла. Воздух пах сыростью и осенней улицей. Никакой потусторонней горечи. Ничего такого.

Но вместо облегчения Уля почувствовала досаду. Как ей играть по правилам Гуса, если полынь решила спрятаться? Что делать, если она не покажется? Как тогда отыскать три вещицы, что сойдут за подарочки для Гуса?

Ноги сами привели Улю к станции, повторяя изученный до последней выбоины маршрут. Не думая, зачем это делает, Уля купила билет до конечной, прошла на перрон, села в

электричку и прижалась лбом к запотевшему стеклу. Люди проходили мимо, усаживались на твердые сиденья, перебра- сывались фразами, читали книги, дремали, уронив голову на грудь. И в каждом Ульяна пыталась различить полынь. Но той не было. Уля ловила чужие взгляды, старалась почуять горький запах, поддаться ему, как учил Рэм. Не выходило. Мир стал совершенно обычным.

Еще вчера Ульяна могла только мечтать о таком. Она ввя- залась в игру, чтобы реальность перестала походить на бред. Кто же знал, что желание сбудется так быстро и так некстати?

Когда электричка, шипя и покачиваясь, добралась до вок- зала, Уля уже стояла в тамбуре. Тревога перерастала в пред- чувствии большой беды. Мимо шли люди. Каждый нес в се- бе страх смерти, теперь Уля знала это наверняка. Знала, но не чуяла.

Подхваченная толпой, она спустилась вниз по скользким ступеням перехода, встретилась глазами с равнодушной тет- кой, та куталась в фирменный бушлат и проверяла билеты на выходе. Тетка скользнула по Уле взглядом и пропустила. Терминал опять не работал, пассажиры переругивались. Все они чего-то боялись, не могли не бояться. Но полынью не пах никто.

Ульяна не знала, куда едет. Просто брела, позволяя но- гам нести ее по переходам, вбегать в отправляющийся поезд, стоять в углу, с трудом удерживаясь от падения, шагать по эс- калаторам. А сама все это время жадно ловила чужие взгля-

ды. Карие глаза менялись серо-голубыми. Темные с восточным разрезом – двумя блестящими изумрудами в золотую крапинку. Окрашенные в странные цвета линзами – водянистыми старушечьими глазами. Дети, мрачные мужики, пьяные подростки, парочки, целующиеся у поручней. Ни один из них не откликнулся на полынный зов.

Поднимаясь по эскалатору, Уля всматривалась в каждого, кто ехал навстречу. Втягивала воздух, пробовала его на вкус. Все запахи метро смешались в один – не полынный. Совсем. Совершенно. Горькая трава, изводившая Ульяну целых три года, поняла, что та сама ищет с ней встречи, и затаилась.

Думая так, Уля вышла из дверей метро и наконец огляделась. Ветер протащил по асфальту кусок смятой газеты. Люди выскакивали наружу и устремлялись в разные стороны: кто к маршруткам, кто – через аллеи – к домам. Ульяна знала номера рейсов этих автобусов. Да и домов, кучкой высившихся над облетевшим сквером, тоже. Это был ее район. Улица, на которой стоял ее дом. Дорога, где погиб Никитка.

Ульяна постояла немножко и пошла к киоску, от которого головокружительно пахло свежесваренным кофе. В одном кармане приятно звенела мелочь, в другом плотным валиком лежали купюры Гуса. Экономить смысла не было. Особенно если полынь не появится больше.

– Капучино, пожалуйста. Большой, – проговорила Уля в окошко, как делала сотни раз.

Бариста улыбался ей, подхватывая из высокой стопки кар-

тонный стаканчик. Машина заурчала, вспенивая молоко. Уля с наслаждением наблюдала за точными движениями. Как просто оказалось вернуться, будто она в самом деле собиралась идти по аллее туда, где ждут мама и брат. Но дома ее никто не ждал. Этого не исправить стаканчиком кофе.

Мелодичный голос баристы заставил Улю взять себя в руки.

– Вы орешки забыли.

– Да, спасибо, – рассеянно ответила она, забирая коробочку фундука в шоколаде.

Какое несчетное количество раз они с Вилкой выбирались из метро, брали кофе и шли в сторону дома? Врученных в подарок орешков хватало как раз до подъезда. Но парочку Уля оставляла Никитке. Дома сладкое было под строгим контролем. Мама не хотела, чтобы у сына испортились зубы.

– Потом всю жизнь будет с ними мучиться, если не уследить, – говорила она, любовно поправляя Никитке челку.

– Так у него же молочные, ма, – вступалась Уля, но мама и слушать не хотела.

– Сейчас привыкнет, как правильно, – не испортит коренные.

Если бы она знала, что не будет этих коренных зубов, разрешала бы сыну хватать пригоршнями сладости? Не одергивала бы его, заигравшегося перед сном? Слишком громко хохочущего на улице, отказывающегося есть вареную рыбу? Обнимала бы его чаще? А может, решила бы и вовсе не ро-

жать?

Когда до дома оставалось всего полквартала, Уля замедлила шаг. Все кругом было знакомым, но чуть иным. Заборчики у тротуаров покрасили в другой цвет, на первом этаже дома открылся новый супермаркет, а парочку гаражей-ракушек смели – на их месте выросла стройка, огороженная сеткой. Засмотревшись на неоновую вывеску салона красоты «Изгибы», где ей однажды неудачно отрезали челку, Уля не сразу поняла, что раздавшийся за спиной вежливый голос обращается к ней.

– Разрешите?

Дорожку заливал дождь, и Уля, медленно идущая по кромке огромной лужи, заслоняла собой весь проход. Она посторонилась. Девушка в кожаной куртке и ковбойских сапогах, почти целиком закутанная в клетчатый шарф, больше похожий на плед, ловко проскользнула мимо. Локоны скрывали спину. За руку она держала парня в строгом пальто.

К горлу подкатил новый ком. По тому, как девушка откидывала волосы назад, как прищелкивала пальцами в воздухе, как смешно чуть подпрыгивала, ускоряя шаг, Уля сразу поняла, кто перед ней. И когда парень, не успевая за стремительной спутницей, засмеялся и окликнул ее, имя, прозвучавшее в осеннем воздухе, не выбило дух, а лишь заставило сердце болезненно сжаться.

– Вилка, блин! Ты чего как угорелая! погоди, а...

И новым своим, особым чутьем Уля сразу поняла: в гла-

зах Вилки увидится смерть. Рано или поздно. Так или иначе. Но увидится. Имя Вилки застряло в горле. Уля проглотила его, провожая взглядом спешащую парочку, допила кофе и свернула к метро.

До дома она добралась в тяжелых осенних сумерках. Двор уже светился окнами: маяками для тех, кого ждут, кому готовят ужин, греют тапочки, обеспокоенно звонят, чтобы услышать голос, увериться, что беда обошла стороной.

Уля на них не смотрела. Она чувствовала себя пустой. Весь день бесцельно слоняться по городу, чтобы позволить себе прийти туда, где так легко оказалось встретиться с прошлым. Прийти, чтобы отыскать полынью. Сколько дней она еще будет мучиться поиском вслепую? Как обойти внезапный заслон, прячущий страх чужой смерти от ее глаз? Или стоит прислушаться к Рэму и закрыть их, ослепить себя, чтобы прозреть? Об этом ведь шептал он, прижимая ее к себе?

Горячие объятия – неожиданные, властные, злые – слишком часто всплывали в памяти. И это сбивало с толку еще сильнее. Все пути вели Улю к Рэму. С ним нужно было говорить, у него просить совета. Потому она ускорила шаг, пронеслась по лестнице и шагнула за порог квартиры.

Дверь в комнату Рэма оставалась плотно закрытой, из-под нее не виднелся свет, с той стороны не доносилось ни звука. Уля заглянула в кухню. Там, устроившись на табурете, сидела Наталья и задумчиво копалась ложкой в кастрюле, поставленной на краешек стола. Запах капустного варева шед-

ро разливался по всей квартире.

Уля на секунду встретилась с пустыми глазами соседки и поспешила скрыться в коридоре. Она успела вставить ключ в замок, когда в ее спину уперся чей-то палец.

– Эй! – Визгливый голос Оксаны было ни с чем не перепутать. – Это ты на полу следишь?

Уля медленно развернулась. Свинячьи глазки буравили ее, готовые прожечь дыру.

– Я знаю, что ты. Напилась, мужики тебя притащили... Все грязные, нечесанные... А мне мыть! За космы бы тебя да об пол. Поняла? – Оксана задыхалась от гнева и одышки, но продолжала трясти пухлой ладонью. – У меня ребенок, тут должна быть чистота, поняла? – И вдруг завопила, хотя в глубине души Уля была согласна с ее доводами и спорить не собиралась: – Стерва! Курва! Я пол мою, а она следит! Убью! – Оксана уже упиралась в Улю обширным бюстом, прижимая ее к стене, когда свет, льющийся из кухни, заслонила грузная фигура.

– Это я, – равнодушно пробурчала Наталья.

– Чего говоришь? – спросила Оксана, продолжая наступление.

– Это я, говорю, наследила. – Высокая, широкоплечая, похожая на охранника в супермаркете Наталья нависла над ними, оказавшись на две головы выше их обеих. – Я. Вышла и наследила. Чего теперь? Это пол. По нему... ходят.

Оксана шумно сглотнула, оторвала бюст от Ули и попяти-

лась к двери.

– Ну наследила и наследила... Чего уж, – залепетала она. – Я помою. Иди себе... Кушай.

Наталья довольно кивнула и скрылась за косяком двери. Табурет под ней скрипнул. Уля проводила соседок взглядом, не зная, что делать дальше. По-хорошему, нужно было спрятаться у себя и не выходить пару дней, пока стычка не забудется. Но сбегать вот так, не поблагодарив спасительницу, было неловко. Потому Уля опасливо шагнула к кухне.

– Спасибо, – пробормотала она в спину, укутанную грязно-синей накидкой – точно самодельной, связанной криво, с большими дырами.

– Будешь? – спросила Наталья и протянула тарелку, на которой с горкой лежало капустное вариво.

Запах стал почти невыносимым. Но отказываться было боязно. Уля расстегнула куртку и покорно уселась на свободный табурет. Плошка приятно согревала ладони. Стараясь не смотреть на Наталью, Уля подковырнула вилкой разваренный кусочек и отправила в рот. И поняла: все не так плохо. Кроме тушеной капусты, в вариве точно были крахмальные крупинки риса, кусочки мяса и даже какие-то специи.

Ульяна удивленно подняла глаза. Наталья смотрела на нее, довольно улыбаясь.

– Вкусно! – благодарно протянула Ульяна.

– Ленивые голубцы.

– Это так называется?

– Ленивые голубцы, – настойчиво повторила Наталья и начала смеяться. – Мы с тобой ленивые, как голубцы. Она полмоя, а мы ходим! – Она уже вовсю хохотала, хлопая себя по колену. – Мы-то его нет... а она! Ой, не могу. – Вскочила на ноги и прижала кастрюльку к груди. – Ну, бывай.

Ее тяжелые шаги раздались по коридору, хлопнула дверь, и воцарилась тишина. А Уля долго еще сидела в кухне,ковыряясь в разваренных кусочках капусты. Нужно было собраться с силами и встать, уйти к себе, переодеться, залезть в душ и наконец решить, что же делать дальше.

Когда в коридоре раздался металлический скрип ключа в замке, Уля допивала чай, всматриваясь в промозглую темноту за окном. Повешенные Оксаной прозрачные шторы, все в мелких капельках жира, вздулись на сквозняке. Ульяна вскочила на ноги, щеки мигом запылали. Как давно ей не приходилось извиняться! Она просто забыла, как это делается. Какие слова подобрать, чтобы Рэм согласился ей помочь?

Уля осторожно выглянула из двери кухни. В коридоре было темно. Рэм возился там, копаясь ключом в замке своей комнаты. Но ничего не получалось. Связка постоянно падала на пол, Рэм наклонялся за ней, медленно, через силу, и снова ронял. Уля подошла ближе, и в нос ударил тяжелый запах больного тела.

– О господи, Рэм! – не сдержалась она, подхватывая его за локоть, когда он начал сползать по стене.

– Уйди, – прохрипел он, но, чтобы оттолкнуть Улю, нужны были хоть какие-то силы.

Она решительно вырвала из его влажных пальцев ключи, щелкнула замком и распахнула дверь. Серый коридорчик ничем не отличался от ее собственного. Уля помогла Рэму подняться и втощила его внутрь – ноги совсем не слушались. Он стонал, сжимаясь от каждого движения. В темноте они добрались до низкого топчана, и Уля осторожно усадила Рэма, прислонив его спиной к стене.

– В сумке... Таблетки... – прохрипел он, не поднимая век. – Дай.

Уля метнулась в угол, где распахнутой валялась спортивная сумка. Носки вперемешку с футболками, старые книжки с вырванными листами, пара теплых, но изношенных свитеров и, наконец, хрустящий кулек болеутоляющего. Уля пробежала по коридору в кухню, плеснула в чашку воды из-под крана и вернулась назад. Рэм успел стянуть куртку – теперь та лежала на полу – и завалился на бок, уткнувшись лицом в подушку.

– Держи.

Рэм дернулся, но подняться не смог. Уля протянула руку и прикоснулась к его плечу. Он застонал еще сильнее, но оторвал лицо от дивана.

– Помоги встать...

Уля присела рядом, потянула его плечи к себе, и Рэм навалился на нее всем телом. Через тонкую ткань рубашки она

почувствовала, как бугрится его кожа: вся спина была испещрена глубокими шрамами. Но еще утром Уля видела его тело – обнаженное и сильное. Разве может такое быть?

Рэм проглотил три серые таблетки и затих. Все, что осталось Уле, – чуть откинуться назад, позволяя ему устроиться поудобнее. Время замерло. Тишина прерывалась лишь дыханием Рэма, которое становилось все спокойнее и глубже. Он больше не дрожал, тело расслабилось, навалившись на Улю теплым, податливым весом. Та не заметила, как и сама задремала, продолжая легонько поглаживать его плечо.

Они очнулись почти одновременно, когда за окном забрезжил первый свет. Рэм завозился и сразу вскочил. Уля открыла глаза с трудом вспоминая, где находится. События возвращались в память рывками, и Уле стало неловко за внезапную близость.

– Ты как? – сипло спросила она, прикладывая все усилия, чтобы голос звучал равнодушно.

– Уже лучше. – Рэм потер ладонью лицо. – Мне нужно было... прийти в себя. Теперь все хорошо.

Он смотрел выжидающе, поэтому Ульяна поспешила подняться с топчана, одергивая футболку.

– Я испугалась за тебя, – пробормотала она. – Расскажешь, что случилось?

– Не слишком удачный вечер. – Рэм хмыкнул. – Спасибо, что не бросила на полу. Вот крику бы утром было.

– Ерунда... Тебя избили, да?

Рэм помолчал, подбирая слова, но все-таки ответил:

– В некотором роде да. Я же говорю: все уже хорошо. Спасибо.

Уля смущенно кашлянула, прочищая горло, и, сделав над собой последнее усилие, проговорила:

– Вообще, я ждала тебя вчера. Хотела извиниться. За то, что наговорила в сквере.

Рэм вскинул на нее глаза – было в них что-то еще, кроме усталой враждебности. Облегчение? Уле показалось, что именно так.

– Ерунда. Забудь. – Он говорил рублеными фразами.

– И вот еще что... Я готова учиться. – Уля ненавидела себя за этот жалобный, просящий тон, но ничего не могла поделать. – Если ты, конечно, не против... Но если так, то я пойму... Ничего. Ты уже пытался, а у меня не вышло... Но я хочу попробовать, если ты... – Она вконец запуталась и замолчала.

– Да, хорошо.

Расстегнутая на верхние пуговицы рубашка оголила ключицу, ее пересекал глубокий шрам, на втором плече, где еще утром чуть заметно виднелся круглый ожог, теперь была язва, покрытая коростой. Уля испуганно округлила глаза, Рэм проследил за ее взглядом и тут же поправил ворот.

– Мне нужно пару часов... Я зайду за тобой, хорошо? Попробуем снова. – И направился к двери.

Уле послушно двинулась следом. Когда она шагнула в ко-

ридор, уверенная, что дверь тут же захлопнется за ее спиной, раздался сиплый голос:

– Не бойся, у нас все получится. Я у тебя в долгу.

Замок лязгнул всего на мгновение позже, но этого было достаточно, чтобы Уля ушла к себе, пряча в уголках губ давно забытую улыбку.

Сто тысяч мертвецов

Солнечный свет пробивался сквозь тяжелые тучи. Уля утопала в мягкости кожаного кресла и щурилась от удовольствия. Они с Рэмом сидели у большого окна, выходящего на улицу, и пили чай из чашек, больше похожих на супницы. Янтарная жидкость просвечивала сквозь тонкие фарфоровые бока, и Уля могла разглядеть, как медленно и плавно разворачиваются чайные листики на дне, как дрейфуют по кругу красные ягоды, кислые на вкус.

Чайную выбрал Рэм. Он уверенно прошел сквозь стеклянные двери, кивнул девушке у стойки и повел Улю вглубь зала, а она, миглом притихшая, покорно шла следом, улыбаясь сама не зная чему. Когда-то такие заведения были ее стихией. Она сидела на мягких пуфиках, разглядывая чайную карту, а Вилка, которая могла съесть на ночь целую пиццу и не вспомнить об этом поутру, заказывала себе самый большой кусок шоколадного торта.

– Не жмись так, – шепнул Рэм, усаживаясь напротив. – Ты знаешь о них всех куда больше, чем они о тебе.

– У нас есть чем заплатить? – Чашка чая по цене дневного рациона пугала нулями.

– Я угощаю. – Рэм стянул с плеч тяжелую куртку и кинул ее на соседнее кресло. – Нам бы поговорить, а здесь днем никого не бывает.

– Могу понять почему, – буркнула Уля, но ворчать не хотелось.

Хотелось сидеть так, грея ладони о чашку с чаем, и смотреть на шагающих за окном. Пока день складывался хорошо. Всю дорогу Рэм молчал. В поезде он забился в самый угол. Но чем сильнее они удалялись от дома, тем расслабленнее становилась его фигура. Перед конечной Рэм оторвал взгляд от грязного пола и посмотрел на притихшую рядом Улю.

– Вначале зайдем чаю попить. Договорились?

Уля кивнула. Прошедшая ночь оставила после себя стойкий привкус неловкости. Но Рэм определенно чувствовал себя лучше. Он все еще старался не дотрагиваться локтями до боков, но уже не валился с ног, что в свете последнего вечера казалось чудом. Не меньшим, чем его внезапное появление полуживым в коридоре коммуналки.

Откуда взялись эти шрамы и язвы, Уля не спросила. Она понимала, что Рэм не ответит, а только сильнее замкнется в себе. Потому Ульяна молчала, да и пульсирующая боль в запястье не давала ей заскучать. Рука то наливалась свинцом, то, напротив, становилась невесомой. Под узором пробежали мурашки, его жгло и морозило, но все это происходило где-то далеко. Напоминало о себе, но не мешало.

– Значит, ты хотел поговорить, – напомнила Уля, когда чашка опустела. – Перед тем как... Все начнется.

Рэм, смотревший в окно все время, пока они пили чай, обернулся. И Уля поняла, что никогда еще не видела его при

свете солнца. Что солнце вообще ни разу не появлялось на небе с того момента, как это самое «все» началось. Рэм надел водолазку, и ворот скрывал отметины на его ключицах, но Уля помнила, что они там есть. А главное, Рэм знал, что она успела разглядеть их в полутьме комнаты, хотя это определенно не входило в его планы.

– Посмотри, – начал он. – Куда мы с тобой пришли?

– В кафе. – Его учительский тон казался Уле забавным.

Рэм поморщился.

– Это понятно. Куда мы вообще приехали?

– В Москву. Хотя я не понимаю зачем. В прошлый раз ты повел меня в сквер...

– И ничего не получилось. Но чем больше народу окажется рядом, тем легче тебе будет понять, что к чему.

– Мы будем ходить по улицам с завязанными глазами? Нас заберут.

– На улицы мы не пойдем. – Рэм кинул на Улю испытующий взгляд и вдруг улыбнулся почти весело. – Там слишком много места, воздуха и возможностей убежать. Мы спустимся в метро.

– Здесь? – Ульяне сразу стало не до смеха.

Станцию трех вокзалов она не любила всегда. И беззаботной студенткой – за постоянную грязь и вонь, и после, когда начала казаться себе такой же нечистой. Страх от потока людей был еще сильнее брезгливости.

– Вот именно потому, что ты боишься, мы сюда и приеха-

ли. – Рэм вытянул ноги под столиком и откинулся на спинку кресла. – Знаешь, сколько людей проходит здесь за сутки?

Уля покачала головой.

– Наверное, много.

– Много. Больше ста тысяч. Вдумайся: сто тысяч будущих мертвецов в сутки. Еще бы это место не вселяло в тебя трепет. Просто ты еще не научилась разделять настоящий страх и... – Он поискал подходящее слово. – И предвкушение. Да, не смотри на меня так. Если ты поймешь, о чем я говорю... То полынь... Она перестанет тебя пугать, ты начнешь искать ее.

– А она прячется, да? – чуть слышно проговорила Уля.

– Да. – Рэм удивленно поднял бровь. – Так уже бывало?

– Вчера... Я пыталась разобраться... Без тебя.

– Это хорошо. – Он хлопнул ладонью по столешнице. – Но давай по порядку. Сто тысяч мертвецов. – Рэм повторил это медленно, почти по слогам. – Они спускаются по эскалатору, чтобы пройти через переход, встать на перроне, а после забраться в вагоны. И все они умирают. На самом деле каждый проходящий мимо тебя – мертвец. Просто одни подошли к черте совсем близко, а другим еще предстоит путь...

– Жаль, что от возраста это не зависит, – пробормотала Уля, но Рэм услышал.

Он словно хотел что-то сказать в ответ, но передумал и отвернулся к окну.

– Да, все так. Но рожденный уже приговорен к смерти; по

сути, это мало что меняет. Смерть спит в человеке, знает он это или нет. И очень чутко спит.

– Знаешь... – Рэм сидел теперь вполоборота, и Уля могла видеть только завитки его растрепанных волос и неожиданно красиво слепленное правое ухо. – Иногда мне просто дико слышать подобное от такого, как ты...

– Как я? – Он не шелохнулся, но скула чуть дернулась в усмешке.

– Прости.

– Да нет, ты права. Я просто повторяю то, что говорили мне. Не волнуйся, я точно такой неотесанный идиот, как тебе кажется.

Он продолжал смотреть в окно, но отражение выдавало улыбку.

– И кто же тебя надоумил? – спросила Уля. Улыбка в стекле померкла.

– Не отвлекайся, хорошо?

– Да, прости...

– И перестань извиняться постоянно, к чему это сейчас? – Рэм развернулся к ней, от улыбки не осталось и следа. – Ты будто не понимаешь, во что ввязалась... Боишься чего-то, когда самое страшное уже случилось.

Испуганная внезапной вспышкой, Уля сцепила ладони под столом и опустила голову.

– Я не знаю, во что ввязалась. Ты ничего толком не объясняешь, а кроме тебя... Мне просто не у кого спросить.

– Я пытаюсь объяснить хотя бы то, что понимаю сам. Но ты не слушаешь. Не пытаешься даже. Уля. – Прозвучавшее из его уст имя заставило Улю поднять глаза. – У тебя осталось пять дней, чтобы разобраться. Никому, кроме тебя самой, не нужно, чтобы ты... выиграла. – Последнее слово далось ему с заметным трудом.

– А кто-нибудь уже приносил Гусу его чертовы три подарочка? – леденя от собственной решительности, выпалила Ульяна.

Рэм скрипнул зубами.

– Не черти.

– Ответь. Просто скажи мне правду.

– Это неважно. У каждого своя игра. Не думай о других, о тебе здесь никто думать не будет. – Он просунул пальцы в узкий рукав и потер запястье там, где полынь заключала его в неразрывный круг.

– Понятно. Стоило сказать мне об этом, когда уговаривал согласиться на предложение Гуса.

Рэм дернулся, оттолкнул от себя столик – чашки жалобно звякнули – и встал.

– Пошли. Не собираюсь препираться с тобой до вечера. – Он бросил на стол скомканные купюры. – Вчера ты помогла мне, я хочу отплатить тем же... Игра – это твой выбор. Научись уже нести за него ответственность.

И вышел наружу не оглядываясь.

– До свидания, приходите к нам еще! – крикнула ему в

спину официантка.

Шарф никак не желал вылезать из рукава, и Уля тянула его на себя, внутренне сжимаясь от обидных, но справедливых слов Рэма. Она и правда даже не пыталась побороть в себе страх. Глупая игра, разговоры о смерти, нелепые в своем пафосе, превращали все в фарс. Сюжет кино на один вечер. Но время шло – тут Рэм снова оказался прав.

Официантка подошла совсем близко, потянулась к остывшим чашкам, когда Уля наконец ее заметила и обернулась. Первой пришла полынь. Плотным облаком она окутывала девушку в бежевой форменной кофточке и светлом фартуке. На груди покачивался бейдж с именем «Анна». Сердце заколотилось, но в нарастающем страхе читалось что-то еще. Предвкушение. Как и пророчил Рэм.

Воздух стал тягучим киселем. Официантка взмахнула ресницами, дежурная улыбка сделалась еще шире, но для Ули этого не существовало. Она увидела свет больничной палаты. Лихорадочный запах тел пробивался сквозь вездесущую полынь. Лежавшая на койке девушка, бледная, почти прозрачная, хваталась за горло, но спертый воздух не проникал в ее легкие. Кожу покрывали багровые шелушащиеся пятна, все в запеченных коростах. Анна, если бейдж был все-таки ее, хрипела, на губах выступала кровь, наконец она дернулась вперед и обмякла, завалилась на бок, рука безжизненно свесилась с края. В дверях палаты появилась заспанная женщина, смуглая, почти желтая. На пороге она крик-

нула кому-то отрывисто и гортанно – Уля не разобрала, что именно, но это было не нужно. О смерти полынь говорила с ней на языке, понятном без слов.

Реальный мир возвращался рывками. Вначале померк дрожащий свет ламп, потом исчезла палата, и только мертвое лицо Анны наложилось на ее же, только живое и довольное.

– Подождите сдачу, пожалуйста, – настойчиво повторила она, видимо, не в первый раз.

Уля схватилась за край стола, чтобы не упасть.

– Нет... Не нужно. Это вам, – пролепетала она, пытаясь натянуть куртку.

– Ого! – Официантка заглянула в чек. – Тут много останется! Вы уверены?

– Да.

– Спасибо! – Анна улыбнулась еще шире. – Я как раз завтра улетаю в отпуск. Индия, представляете? Всю жизнь мечтала там оказаться.

Уля вымученно улыбнулась в ответ и пошла к выходу.

– Главное, прививки все сделайте, – сказала она на прощание.

– Теперь уж точно сделаю! – ответила Анна, зажимая в кулаке купюры.

Эти слова нагнали Улю у самых дверей. Они, как ветер в начале апреля, влажный, обещающий новую весну, а с ней и новую жизнь, взлохматили волосы на макушке. Уля нере-

шитительно оглянулась, но официантка уже шла по проходу на кухню, подхватив поднос с чашками.

Только оказавшись на улице, Ульяна поняла, что дурно-та исчезла, а запах полыни, который обычно оседал на небе, растворился. Не было тяжести на сердце, не было этого липкого страха увиденного. Нет, мир продолжал жить, обтекая Улю, а не выбрасывая ее из своего бесконечного потока.

Она огляделась. Рэм стоял у входа в метро. Он затягивался сигаретой, разглядывая плитку под ногами, и выдыхал дым, а нижняя губа чуть кривилась, придавая лицу угрюмое выражение. Мимо прошествовала юркая брюнетка, с ног до головы завернутая в полосатое пончо. Она заинтересованно зыркнула в его сторону, Рэм с ленцой поднял взгляд, ухмылка стала еще насмешливее. Девушка на ходу пожала плечами и ускорила шаг. Рэм проводил ее глазами, хмыкнул и уставился на ботинки.

«Интересно, – подумала Уля, перебегая дорогу, – каким он был до полыни? В нормальной жизни».

Когда она подошла, Рэм молча кивнул и скрылся в дверях. Рассказать ему об официантке, готовой завтра отправиться к океану, чтобы встретить смерть от хвори, неведомой странам первого мира, Уля не успела. Но, спускаясь за ним по лестнице к переходу, она подумала, что Рэм из тех людей, для которых нормальной жизни просто не предусмотрено.

Они прошли по коридорчику, разделенному на два потока, и остановились у эскалатора. Рэм пропустил Улю вперед,

а сам встал на пару скользящих ступенек позади.

– Сейчас мы спустимся, и ты пойдешь в центр зала. – Он наклонился вперед и навис над Улей, чтобы его шепот был слышен. – Не спеши, не бойся, ничего не делай. Просто стой; все подумают, что ты кого-то ждешь. Сосредоточься на проходящих мимо. Слушай их голоса, дыхание, биение сердца. Ты должна раствориться в этом... будто тебя самой нет. Понимаешь? Ничего нет, кроме этих звуков и запахов.

– Мне закрыть глаза?

– Если так будет легче, но не обязательно. Все это мелочи, детали, не думай о них. Полынь сама тебя направит, главное, не бойся. – Они уже сошли со ступенек. – Я буду рядом. Ничего плохого с тобой не случится.

И легонько подтолкнул Улю в спину, а сам шагнул в сторону, теряясь среди точно таких же, как он, хмурых, обычных, озабоченных повседневным людей. Искусство сливаться с толпой было освоено им в совершенстве.

Ульяна вобрала в себя плотный воздух, насквозь пропитанный запахом влажных курток, людским дыханием и особым, чуть кисловатым духом подземки. Лавируя между пассажирами, Уля добралась до балкончика, нависавшего над переходом на радиальную. Полукруглые арки, подсвеченные мягкими лампами, высокий потолок, весь в россыпи мозаики, ровный ряд колонн и огромная люстра, сиявшая позолотой, – если бы только можно было убрать отсюда поток человеческих тел, то станция стала бы величественной. Но

сто тысяч мертвецов не желали исчезать. Они спешили по делам, набирали в телефонах бесконечные сообщения, улыбались чему-то своему или хранили злость, накопленную за день. Каждый чего-то хотел, каждый стремился к простым вещам – еде, удовольствиям, сну, податливому телу рядом. И каждому предстояло умереть. Может быть, через долгие десятки лет, а может, сегодня вечером. Печать смерти незримо отмечала их лица. Она была как тонкий хвостик нитки, только потяни – и все полотно разбежится под пальцами в спутанную пряжу.

Уля вдохнула еще раз и послушно закрыла глаза. Полынь нахлынула мощно и властно. Страх не заставил себя долго ждать. Но теперь Ульяна знала, что страх этот, как и смерть, не имеет к ней никакого отношения. Это не она боится полыни, нет, это сама полынь обращается в горечь и страх. Потому отступить сейчас было глупым бегством по кругу. Полынь не подстерегала Улю, она просто была повсюду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.